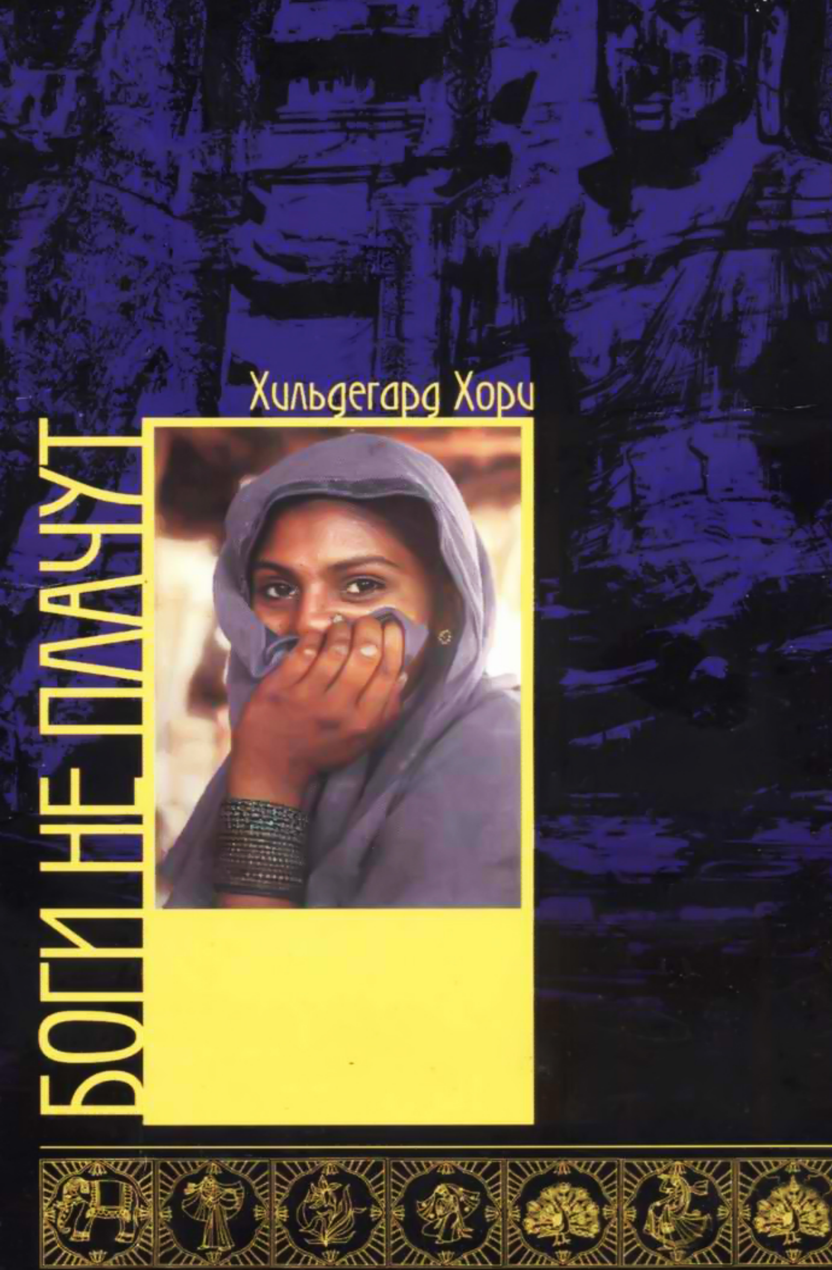

Хильдегард Хори
БОГИ НЕ ПЛАЧУТ

Хильдегард Хори

Боги не плачут

Перевод с немецкого

Hildegard Horie
«Denn Götter weinen nicht»

Хильдегард Хори
Боги не плачут / Пер. с нем. Е. Бошман — Корнталь: «Свет на Востоке», 2001. — 192 с.
ISBN 3-935435-13-4

Перевод Екатерины Бошман
Редакторы И. Турундаевская, В. Щербина
Корректор М. Романова
Художник О. Зверева
Верстка А. Кодака

01.336
ISBN 3-935435-13-4

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ СОКРАЩЕНИЙ

2 Пар. — Вторая книга Паралипоменон

Пс. — Псалтирь

Ис. — Книга пророка Исаии

Пл. Иер. — Книга Плач Иеремии

Мф. — Евангелие от Матфея

Лк. — Евангелие от Луки

Ин. — Евангелие от Иоанна

1 Ин. — Первое послание Иоанна

1 Кор. — Первое послание коринфянам

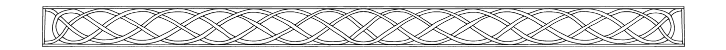
Пробуждение

Это было как удар молнии, вспышка, прорезавшая тьму и осветившая мир пронзительным, всеозаряющим светом.

Эми уже исполнилось восемнадцать, она мечтала о любви и домашнем очаге, любила лошадей и широкие просторы. Ей нравилось скакать на коне по бескрайней равнине или внимать шуму прибоя на берегу.

Ее семья жила в маленькой деревушке рядом со старой мельницей. Отец учил ее ездить верхом. «Отпусти свободнее поводья», — часто говорил он ей. Но вскоре сам выронил поводья из рук — в тот день, когда он умер, ее детство закончилось. Семья переселилась в Белфаст, братья выстроили новую мельницу, и все изменилось, все стало другим...

Эми часто мечтала. Музыка и искусство до сих пор были частью ее жизни. Вот и теперь, поджидая братьев, Эми задумчиво потянула губами воздух и сделала несколько глубоких вдохов.

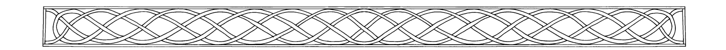

Ветер хлестал по лицу и рвал одежду. Густая пелена дождя окутывала дома и деревья. Наступало серое утро, какие не редкость на севере Ирландии. Издали, как тяжелые вздохи, доносились равномерные удары прибоя. Слабый звук колокола напоминал о том, что сегодня воскресенье. В больших воротах церкви показались темные силуэты и тотчас растаяли в серой дождливой мгле.

Братья шлепали по лужам, смеялись и толкали друг друга. Вот они поравнялись с фонтаном, в котором вода бурлила, как кипяток. Эми, ежась от холода, потуже затянула платок и подняла воротник, но вкус дождя на губах и сырая свежесть воздуха действовали на нее бодряще. Она пыталась глазами проследить путь ветра...

— Смотрите, Эми опять мечтает, — насмешливо сказал один из братьев.

Навстречу шла старая женщина, согнувшись под напором ветра. Она крепко сжимала в руках большой узел, едва удерживая его: это походило на беззвучную борьбу. Ветер трепал ее длинную одежду, словно хотел унести с собой. Эми и братья подошли к ней, один взял узел, другие подхватили ее под руки. Бабушка послушно продолжала идти и не сопротивлялась. Нашлись спутники — ей стало легче продвигаться вперед.

«В огне открывается...» — внезапно услышала Эми. Она оглянулась: кто это сказал? Все шли со сжатыми губами, только ветер выл и свистел.

«...Из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы, — каждого дело обнаружится; ибо день покажет; потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть»[1]. Это было подобно вспышке молнии, но озарена была не местность, а сама Эми как бы изнутри. Она почувствовала: произошло нечто очень значимое, что-то ее коснулось. Вдруг она ощутила себя жалкой, забытой, оставленной всеми, как вот эта жалкая старушка, обреченная умереть в одиночестве.

Наверное, она когда-нибудь станет такой же — ее взгляд скользнул по усталой фигурке, бредущей рядом.

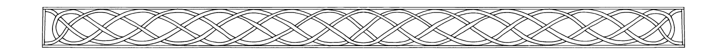
Будто угадав ее мысли, бабушка пробормотала:

— Как ветер, жизнь скоротечна, девушка, как ветер.

С тех пор прошло несколько месяцев. Беспокойство не покидало Эми, она знала: что-то изменилось вокруг или изменилась она сама.

---

[1] 1 Кор. 3:12,13.

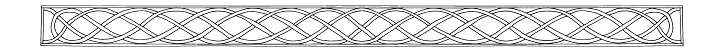

«Если то, что для меня является счастьем, разобьется — что тогда останется? Что устоит? То, что не сможет разрушить никакой огонь. И то, что выходит за черту преходящего...» — раздумывала Эми.

Ей часто хотелось вновь встретить ту старушку. Но ветер как будто замел ее следы. На улице, куда они свернули и потом пробирались через груды мусора, стояло корявое дерево с сухими, словно голые ребра, ветвями. Теперь на них пробивались первые почки — ждала пробуждения дремавшая жизнь.

Однажды здесь она встретилась с Лизой, молодой девушкой с безнадежно усталым выражением лица. Они познакомились. Лиза не знала ничего, кроме своей улицы, рыбного смрада и фабрики, где она работала по 12 часов и даже больше. Человек с номером, без имени, частичка механизма, которую легко можно заменить.

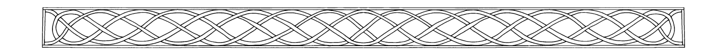
«Ты зашла бы ко мне поговорить», — предложила Эми. И Лиза появилась, но не одна. Она привела с собой Анну и Мари. Молодые женщины давно похоронили в себе желание любить, стремление к радости и пониманию. Они не знали, что значит быть полноценным человеком. Потом приходили другие, их становилось все больше, так что пришлось снять поме-

щение на пятьсот мест. Эми сумела говорить с ними о смысле их жизни. Старушку она так и не нашла, зато пробудила надежду в других обездоленных.

Но вскоре Эми вынуждена была покинуть Белфаст. Финансовое положение семьи Кармайкл к тому времени ухудшилось до такой степени, что пришлось переселиться в Англию, где мать получила место домоправительницы, а Эми предложили заниматься с детьми фабричных работниц. И здесь Эми видела в трущобах женщин с пустым взглядом, без надежды. Она поняла, что лицо нищеты всюду одинаково. Люди не знали, для чего они живут, алкоголь не давал ответа, да и деньги тоже. Эми очень хотела показать им жизнь, за которую стоило бороться. Но в то же время она чувствовала, что эта ответственность ей не под силу. У нее возникло ощущение, будто приходится толкать вверх по крутому склону нагруженную тележку. Уже через несколько месяцев Эми переутомилась и обессилела.

Но все же ей было хорошо. Здесь у нее дом и мать, которая любила ее и всегда была рядом. Здесь жил ее друг, владелец горно-угольных предприятий в Бригтоне — любимый старик, как она его называла. Его дочь умерла несколько

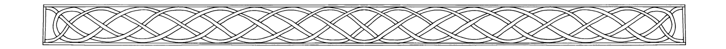

лет назад, а потом не стало и жены. Он любил Эми, как собственную дочь, и настаивал, чтобы она взяла его фамилию. С тех пор Эми называла себя Вильсон-Кармайкл. Наверное, ему просто был нужен человек, с которым он мог бы поговорить, доверить свои сокровенные мысли. И Эми слушала его. Она многому смогла у него научиться. Охотнее всего она сопровождала его в поездках. Когда они странствовали вместе в маленькой повозке по холмам, она вспоминала свое детство.

Особым событием стало путешествие на север Англии, в Кезвик — маленькое красивое местечко с чистыми озерами. Но не ландшафт притягивал Эми, а атмосфера общения. Сюда на встречу из года в год съезжались тысячи членов христианских миссий, чтобы потом снова рассеяться по всему миру. Здесь она услышала о странах, названия которых были ей незнакомы. И когда Хадсон Тейлор рассказывал о своей работе в Китае[1], Эми казалось, что

---

[1] Хадсон Тейлор уехал из Англии миссионером в Китай в 1853 г., когда ему исполнился двадцать один год. Он основал там Китайскую внутреннюю миссию, которая в 1914 г. была самой крупной миссионерской организацией и насчитывала 1368 миссионеров. Она просуществовала с 1865 по 1950 г. и была

она перенеслась в какой-то бескрайний мир. Увы, потом надо было снова возвращаться к себе домой, в свой маленький мирок.

Было послеобеденное время. Эми стояла у парапета террасы. Здесь царствовало чувство свободы и покоя, но все равно ее не покидало ощущение поиска.

«А что там за холмами, на горизонте?» — подумалось Эми. Забывшись, она сказала это вслух.

— Там начинается мир, — рассмеялся старик. Но потом озабоченно посмотрел на нее:

— Тебя тянет туда? — спросил он.

Эми молчала. Трудно выразить словами те настойчивые толчки в душе, побуждавшие ее думать о далеких странах...

— Устала?

Она кивнула. Путешествие не столько утомило, сколько растревожило ее.

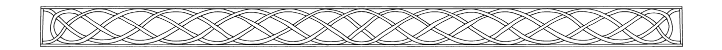
— И немного грустно?

Эми снова кивнула. Потом выпалила:

— Оно опять здесь.

— Оно? Что ты имеешь в виду?

изгнана из Китая вместе с другими миссионерскими организациями после прихода к власти коммунистов. — *Здесь и далее примечания редактора.*

— Беспокойство. Или призыв.

— Тебе у меня не нравится? — Эми почувствовала за этим вопросом страх. Ей тоже было страшно думать о расставании, но она честно ответила:

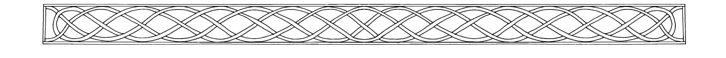
— Если бы не нравилось, было бы легче уйти.

— Но ты нужна здесь. Твоя работа не напрасна. Что бы они без тебя делали? Ты пробудила в них то, чего они раньше не знали. Они нуждаются в тебе. И мне, — еле слышно добавил он, — ты тоже нужна.

Пастух гнал мимо свое стадо. Блеяли овцы, но Эми ничего не слышала. Ее мысли были далеко. Как будто сама себе она сказала: «Пятьдесят тысяч людей умирает каждый день. Это больше, чем я могу себе представить. Как я могу оставаться равнодушной?»

В тот же вечер Эми села и написала несколько строк своей матери. Снова и снова она перечеркивала написанное, чтобы начать заново:

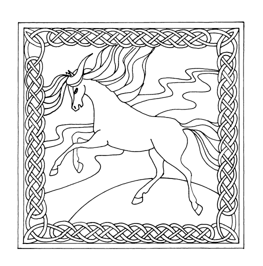
«Кажется, всё меня торопит: иди! Опять я слышу этот зов: приди и помоги нам, миллионам людей, никогда не слышавшим о любви, которая наполняет жизнь такой радостью. Мой внутренний голос говорит: останься. Но другой голос сильнее, голос, который говорит: иди...»

Эми не могла писать дальше. Ее словно разрывало надвое. Она понимала, сколько печали вызовет ее уход. К тому же она не знала, куда идти. Странно было бы отправиться в путь без цели, не оставив за собой на родине ничего, кроме руин и неоправдавшихся надежд. Ведь боль, которую она причинит старику и своей матери, — это цена, которую нужно заплатить.

Она готова идти. Но не знает — куда. Эми слышала и о Китае, и о Цейлоне. И она отправилась сначала в Лондон, чтобы завербоваться в китайскую миссию. Однако врач запретил ей выезд в Китай, и тогда Эми решила поехать в Японию. Нетерпение девушки было так велико, что она не могла дождаться ответа. Ей не хотелось терять времени.

3 марта 1893 года Эми находилась на пути в Шанхай, чтобы оттуда ехать дальше, в Японию.

По дороге в Японию

Слушать рассказы о далеких странах и людях гораздо легче, чем путешествовать самому.

Уже больше четырех недель — вода и ничего, кроме воды. Снова и снова Эми пыталась обнаружить на горизонте клочок суши — напрасно, только солнечный свет слепил глаза. Однажды вдруг налетел ветер, и море стало беспокойным, начало бурлить. Неуклюжий корпус корабля кряхтел и стонал, раскачиваясь из стороны в сторону. Черные тучи сгущались, нагромождаясь и тесня друг друга. Девушка была всецело захвачена этим небесным представлением. Свист ветра становился все более угрожающим. В течение нескольких секунд небо совсем почернело. Стало холодно, и Эми захотелось укрыться где-нибудь, но только не в каюте: там шныряли крысы, ползали жуки и тьма других насекомых. Она предпочла остаться на палубе. Но тут корабль словно подняло гигантской рукой и тотчас бросило

вниз. Эми инстинктивно уцепилась за поручни. Сила шторма была так велика, что ей стоило больших усилий добраться до трапа. В этот миг воздух наполнился ревом и грохотом, какого Эми еще не доводилось слышать. С трепетом она вспомнила о пророке Ионе, попавшем в шторм[1], а потом об Иисусе, победившем разбушевавшуюся стихию[2]. Ее чувства напряглись до предела, сердце бешено колотилось. И в то же время неописуемый покой снизошел на нее, словно она была сторонним наблюдателем происходящего.

Спустилась ночь — непроглядно темная. Внезапно молния прорвала черную стену и горящей стрелой вонзилась в бушующее море. Потом молнии следовали одна за другой, под грохот грома и неистовый вой ветра. Это походило на рев раненого чудовища, сотрясавшего небо и море. Пучина вздымалась, яростно обрушиваясь на корабль, и трясла его, будто желая отомстить.

Испуганные пассажиры сидели, тесно прижавшись друг к другу. Одни в отчаянии вцепи-

---

[1] См. Ион. 1:3,4.
[2] См. Мк. 4:37—39.

лись в свой багаж, другие зажимали уши, третьи пытались найти надежную опору и укрытие. Какая-то женщина закричала. Но ее вопль потонул в реве шторма.

Еще раз невидимые руки подняли корабль и низвергли. Море превратилось в дикий водоворот, а волны — в гигантские стены. Потом вдруг все стихло, будто чудовище было окончательно побеждено. Оно еще слегка бурлило и вздрагивало, как после неистовой битвы, но уже не имело никакой силы.

Понемногу пассажиры выходили на палубу, боязливо оглядываясь, словно не могли поверить, что шторм свое отбушевал, или думая, что это всего лишь затишье перед новой бурей. Но море оставалось спокойным, только тяжело дышало.

На следующее утро корабль вошел в гавань Симоносеки. Было 25 апреля.

Эми сошла на берег. Незнакомые звуки долетали до ее ушей. И здесь шторм оставил свои следы. Поваленные деревья перекрывали дорогу, многие дома были разрушены, с некоторых сорваны крыши. Земля раскисла. Все еще лил дождь. Одежда промокла. Эми проверила багаж, она очень устала, ее знобило.

Небо было серым, бесприютным и напоминало родину.

«Если бы они видели меня сейчас», — подумала Эми о своей матери и старике.

Она по-другому представляла себе этот момент. На глаза навернулись слезы. Она с досадой вытерла их рукавом. Внезапно Эми почувствовала, что голодна. Миссионеры, с которыми она отправлялась в дорогу, остались в Шанхае. Знакомых — никого! Хотя она и предупредила миссионерский пункт о своем прибытии, ее не встретили. «Возможно, им помешал шторм», — подумала Эми. Прошел час, другой. Провести здесь ночь было немыслимо. Значит, надо попробовать самой добраться до места. Но как это сделать, когда не понимаешь ни слова из этого чужого языка! Эми подождала еще. Дождь снова усилился, ветер тоже крепчал. Наконец она увидела иностранца.

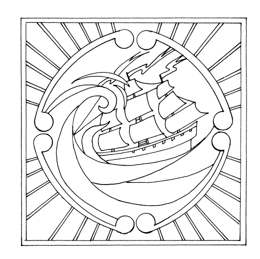
«Может быть, он говорит по-английски», — встрепенулась Эми.

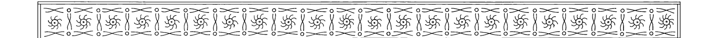
Выяснилось, что это американец, хорошо знавший район и даже адрес американской миссии.

Увидев Эми в промокшей одежде с раскисшими от воды баулами, он подозвал извозчика

и отправил ее в ближайший миссионерский пункт.

У Эми же было одно желание: спать, только спать.

В Японии

1 мая 1893 года она наконец достигла портового города Мацуэ.

Жизнь в Японии сильно отличалась от той, что была на родине. Здесь не было колоколов, возвещавших воскресенье. Вместо колокольного звона слышались глухие удары гонга из ближайшего буддистского храма. За покупками Эми проходила мимо статуи Будды, излучавшей ледяной холод. И лица людей вокруг были замкнуты, а их взгляды словно обращены в себя.

«Если бы они только знали, что есть Тот, Кто их любит», — думала она. Но как об этом рассказать? Пока она выучит язык, пройдут годы.

Было раннее утро обычного дня, похожее на многие другие. Эми шла в порт. Небо только что окрасилось светящимся пурпуром и отражалось в спящем море. Уставшие за ночь рыбацкие лодки качались на легких волнах, как пьяные. Вокруг деловито сновали люди.

«Эти женщины в своих пестрых кимоно похожи на бабочек», — заметила Эми. И пока она брела по улицам, за ней бежали дети, а взрослые украдкой смотрели вслед. Она была чужой, не принадлежащей к ним. Люди были приветливы, но держали дистанцию. И Эми поняла: чтобы сблизиться с ними, ей надо не только говорить на их языке, но и понять, как они живут, о чем мечтают, сделать своими их страхи и надежды, стать одной из них. Но как этого достичь?

Эми стала приглядываться к мистеру Букстону, опытному миссионеру, который уже много лет жил в Японии. Она восхищалась им и многому хотела бы у него научиться. Но в то же время она хорошо понимала, что опыт других недостаточен и не всегда помогает. Ей нужно было искать свой путь.

Когда Эми вернулась на миссионерский пункт, она встретила Мисаки-сан, молодую японку. Та грациозно раскланялась и приветствовала Эми на ломаном английском. Ее черные блестящие волосы были собраны искусным узлом, яркое кимоно придавало ей нечто сказочное, изящные ступни, казалось, едва прикасались к сандалиям. Во всех движениях девушки словно звучала музыка.

Эми смешалась. Скользнув взглядом по своей юбке из грубой ткани, она с испугом поняла, что забыла снять туфли. При этом она случайно увидела себя в зеркале: волосы свисали прядями, блузка несвежая. Ее лицо пылало. Она растерянно попыталась извиниться:

— Сегодня так жарко.

Мисаки-сан снова поклонилась и односложно ответила:

— Да, это верно.

Эми исподтишка разглядывала свою собеседницу. «Мне нужно было надеть другое платье, — огорченно думала она, — может быть, синее». Потом присела, чтобы аккуратно поставить свои туфли рядом с другими, и попробовала завязать разговор:

— У тебя красивое платье, Мисаки-сан.

— Тебе нравится? — сдержанно улыбнулась японка.

— Оно такое же яркое, как лето. — Эми хотелось искренне выразить свое восхищение.

— Да? Спасибо.

При этом девушка опять улыбнулась. Ее улыбка была такой робкой и милой и в то же время полной достоинства, словно она скрывала глубокую тайну.

Эми злилась на себя. «Я как-то не вписываюсь в этот мир, не подхожу сюда, — думала она, — будто заблудилась в чужом краю».

На следующий вечер Эми собиралась в гости к Мисаки-сан. Эми переполняли ожидания: впервые ее пригласили в японский дом. Она выучила приветствие — свою первую фразу на японском языке. На это у нее ушло четыре часа, а теперь все вылетело из головы.

И вот она стояла перед типично японским домом с высокой крышей и большими непрозрачными окнами. Должно быть, это здесь. Низкий каменный забор, большой бамбуковый куст. К дому ведет гравиевая дорожка, перед входом висит маленький фонарь. Точно так, как описала Мисаки-сан. Эми остановилась, вынула из кармана записку, чтобы еще раз повторить приветствие, потом решительно сунула записку в карман и позвонила. Дверь отворилась.

— Сердечно приветствую, Кармайкл-сан.

На этот раз Мисаки-сан выглядела еще более очаровательной. На ней было легкое летнее кимоно, распущенные волосы покрывали ее, как плащ. Эми была так потрясена, что забыла произнести с трудом выученные слова. Послы-

шалось шарканье комнатных тапочек: представительная старая дама появилась в прихожей, преклонила колени и коснулась лбом пола. Эми испуганно бросилась к ней, чтобы помочь подняться. Мисаки-сан удержала ее:

— Пожалуйста, не надо.

Эми совсем растерялась.

— Мы чтим нашего гостя, кланяясь перед ним, — объяснила Эми юная хозяйка и повела ее в дом. Стола в комнате не было. Стульев тоже. И место, где должен находиться домашний алтарь, пустовало. Единственным украшением служили изящные картонные двери с густым переплетением тонких деревянных решеточек и большая картина в бамбуковой раме, с надписью, но Эми не могла прочесть иероглифы. Она затаила дыхание. Было тихо. Эми не знала, что ей делать. Мать принесла цветные вышитые подушки для сидения и знаками пригласила сесть. Эми вдыхала аромат соломенной циновки. Вошла Мисаки-сан и, опустившись на колени, поднесла чашку чая.

— Жаль, что я не могу пригласить тебя домой, на мою родину, — попыталась начать разговор Эми. — Знаешь, как я удивилась, что здесь на небе то же самое солнце! И дождь

такой же мокрый. И луна ночью светит. Все как у нас. Но совсем другое... Почему ты молчишь, Мисаки-сан? Мне кажется, что я все делаю неправильно. Люди здесь живут, как за невидимыми стенами, через которые я не могу проникнуть.

Мисаки-сан не отвечала.

— Когда ты молчишь, я становлюсь еще нерешительней. Я приехала из страны, отдаленной на десять тысяч километров, а на самом деле — будто с другой планеты.

Мисаки-сан по-прежнему слушала молча. У Эми кончалось терпение.

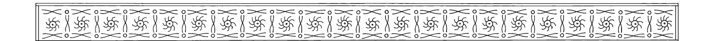
— Мисаки-сан, ты меня не понимаешь? Я хочу узнать, о чем ты думаешь? — почти с отчаянием спрашивала она.

— Только дети говорят то, что думают, — наконец-то ответила японка.

— Возможно, этому я должна у вас научиться. Вы умеете молчать. Но, — возразила Эми, — я приехала сюда не молчать. Я хочу говорить.

— Говорить можно без слов.

— О нет, со многими, многими словами. Чтобы вы их поняли. Но сперва мне нужно им научиться. Скажи, что я должна для этого сделать? — с надеждой вопрошала Эми.

— Должна? Это понятие нам чуждо. Мы делаем то, что идет изнутри нас.

— Мисаки-сан, помоги мне лучше понять вас!

— Может быть, это не так уж важно — понимать нас. Важнее любить. Вы, европейцы, часто думаете, что должны нас поучать, потому что мы другие. Но наша культура старше вашей. Ты чужая здесь. Твоя одежда выдает тебя. И твое лицо. И манера двигаться. Твой язык и способ изъясняться. Но не это разделяет нас. Ты думаешь по-другому. И чувствуешь по-другому. Но, может быть, я смогу быть мостом, по которому ты перейдешь к нам.

— Что ты имеешь в виду?

— Погоди, я покажу тебе. — Мисаки-сан выскользнула из комнаты и сразу же вернулась с большим пакетом.

— Для тебя, Кармайкл-сан.

Эми удивленно раскрыла искусно перевязанный пакет и вынула прекрасное вышитое кимоно.

— Это мне? Правда? — радостно переспрашивала она.

— Примерь.

Эми переоделась; Мисаки-сан помогла ей завязать пояс бантом.

— Теперь ты почти японка, — сказала Мисаки-сан, улыбаясь. — Вот еще что: не говори и не делай ничего такого, что могло бы унизить другого. Если будешь с этим считаться, то скоро приобретешь друзей.

Эми нашла в Мисаки-сан неоценимую помощницу. Вдвоем они ходили в отдаленные села и обращались с проповедью к женщинам. Перед дорогой они уединялись в молитве на целый день, чтобы испросить благословения на предстоящий путь. Они хотели услышать волю Того, Кто направлял их помыслы.

— Пусть это будет всего один, который выйдет к свету из темноты и страха, — горячо просила Мисаки-сан. И они молились об этом единственном человеке. Потом о двух, потом о четырех. Их вера росла, укрепляясь знаками того, что Бог внял их молитвам.

Однажды они шли по узким улочкам Мацуэ. Огни знаменитого храма были видны издалека. Эми с восхищением разглядывала искусные украшения. Все имело глубокий смысл и значение.

— Они готовятся к богослужению, — объяснила Мисаки-сан.

— Как ты думаешь, нам можно войти? — загорелась Эми.

— Это было бы очень невежливо, — предупредила японка.

Из-за духоты дверь была широко открыта, так что Эми смогла заглянуть внутрь храма. Трое мужчин занимались приготовлениями к вечернему богослужению. Младший из них украшал лилиями алтарь. Слабый свет лампы освещал изображение идола. Перед ним стояла чашечка с рисом. Больше Эми ничего не могла рассмотреть. Подойти ближе она не решилась.

— Дай нам возможность поговорить с этими людьми, — тихо молилась она, не решаясь двинуться с места. Через некоторое время младший из мужчин подошел и вопросительно посмотрел на нее. Эми извинилась за свое любопытство и рассказала, с какой целью приехала из Англии. Мисаки-сан перевела. Молодой японец с интересом слушал. Оказалось, он уже кое-что знал о новой религии.

— Новой? Нет, вообще-то, она стара как мир, а может, еще старше, — сказала Эми. — Только многие до сих пор ничего об этом не слышали.

— Возможно, вы правы, — размышлял японец, — Будда умер. Как он может помочь нам,

живущим? Написано: будь хорошим. Но силу для послушания он дать не может.

Эми вынула из сумки Новый Завет и прочитала нужные слова.

Японец внимательно выслушал. Потом сказал:

— Если это так, то мы хотим знать, как надо жить. Вы можете нам это показать?

«Вы можете нам это показать?» — эти слова поразили Эми навсегда. Это было то же, что Мисаки-сан пыталась объяснить по-другому: «Говорить — без слов». Лишь теперь ей стало понятно, что подразумевалось: жизнь — как раскрытая книга, которую каждый может читать. Вдруг она осознала огромную ответственность, возложенную на нее. «Господь, дай мне силы жить так, чтобы другие узрели Тебя», — молилась она.

По возвращении в миссию она почувствовала слабость. Голова болела, почти раскалывалась. К этому добавилась тошнота, а зной, от которого нигде не скрыться, усугублял болезненное состояние. Даже окна и двери, оставленные на ночь распахнутыми, не давали прохлады. Она металась на своей циновке, ей снились кошмары. В порыве жалости к себе она заскучала по дому.

Наутро Эми попыталась встать, но в бессилии упала на постель. Она заболела.

Это было обидно, ведь не для того она приехала сюда, чтобы за ней ухаживали.

Нестерпимая жара все еще стояла над городом. Беспощадный зной заползал во все уголки и затруднял дыхание. Деться было некуда. Сотрудники миссии перебрались повыше в горы, чтобы спастись от жары. Эми же не хотела упускать время. Как только ей стало немного легче, она попыталась осмыслить все заново и подвести некоторые итоги. Теперь она ясно понимала, что взяла на себя слишком много, а главное — убедилась, что Япония не для нее.

Для далекого пути домой она была слишком слаба. Да и как можно вернуться на родину, ведь она слышала этот призыв свыше, этот зов: иди. Но если Япония отпадает, то осуществить свое призвание она должна в другом месте.

Чем больше Эми над этим размышляла, тем настойчивее зрела мысль отправиться на Цейлон. Наконец она решительно написала в миссионерское общество, находившееся на пути в Коломбо. Это было 20 июля. Быстро выполнив все необходимые формальности, Эми отправилась в путь.

В Шанхае, поднявшись на корабль, чтобы ехать в Коломбо, она все еще чувствовала себя жалкой и больной. Своей записной книжке Эми доверяла лишь отдельные моменты: «Сильно болею — жар — одиночество — перенесла — утешена».

Промежуточный пункт

Коломбо встретил ее знакомой, изнуряющей жарой. В голове стучало. Она брела, как в трансе, с трудом понимая, что происходит вокруг. На городской площади теснились торговцы и слоны, было шумно и жарко, в воздухе висела пыль. Кое-как ей удалось добраться до миссионерского пункта.

Две молодые американки приветствовали ее.

— Мы так рады, что ты приехала!

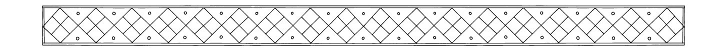
— Была сильная жара, во время которой многие умерли. Наши родители тоже. Нас мало, чтобы продолжать работу. Мы молились, и вот Бог послал тебя.

Эми стояла неподвижно, выронив вещи из рук. Вокруг нее, казалось, все кружится. Словно издалека слышались голоса девушек:

— Здесь очень много работы.

Эми оглянулась. Да, действительно, работы было много. Такой беспорядок!

— Вы переезжаете? — спросила она наконец.

— Переезжаем? — Девушки засмеялись. — Похоже. Но к этому ты еще привыкнешь.

Они повели Эми в комнату. Везде громоздились книги, валялась грязная посуда, в беспорядке была сдвинута случайная мебель. Тяжело поднялась собака и подошла к ней, чтобы обнюхать.

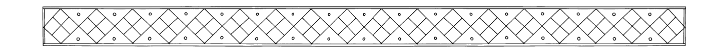
«Может быть, мне стоило подождать?» — подумала Эми.

— Сегодня вечером миссионерское собрание. Хорошо, если бы ты взяла на себя руководство. Большинство местных понимают по-английски. А когда мы пойдем по деревням, ты возьмешь с собой переводчика. И потом — ах да, денег мы тебе, к сожалению, дать не можем. Но тебя же поддерживает Кезвикский комитет. Тебе известно, что и далеко в джунглях живут люди? До них порой трудно добраться...

Эми стало плохо. Ей нужно было сесть, но она не знала куда. Она стояла в замешательстве.

— К сожалению, мы не можем предоставить тебе отдельную комнату. Надеюсь, тебя это не будет раздражать. Впрочем, собака даже мухи не обидит. А я люблю спать на чердаке. Тюфяк мы тебе принесем.

Эми молчала. Вокруг гудели тучи москитов.

— У нас их довольно много. Но в глубине страны еще хуже. Здесь по крайней мере веет слабый бриз.

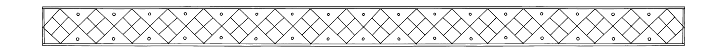
Эми слушала непрерывную болтовню американок. Сама она казалась полностью безучастной. Двигалась механически. Она слышала как бы со стороны свой собственный голос, когда ей удавалось вставить вопрос. Все было, как во сне. Так же нереально.

«О, Господи, — подумала она наконец, — я принимаю вызов. Если я слаба, то Ты — силен. Если я могу отступить, то Ты побеждаешь всегда. Прости мое разочарование. Я готова». И громко спросила:

— Когда будет собрание?

Потянулись монотонные дни. Эми чувствовала, как сильно американки надеялись на нее. Она старалась оправдать их уверенность, но видела предел своих возможностей. Каждый раз, возвращаясь усталой и изможденной к себе, она мучилась сомнениями. Ей казалось, что она вновь ошиблась и приехала не туда, куда следовало.

Так проходили дни и недели. Из долгих недель складывались месяцы. Постепенно она привыкла к жизни на острове и поняла, что

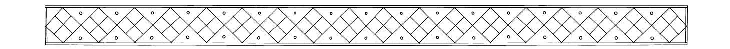

начинает любить этих людей. Но мысли ее все чаще обращались к родине.

С большим волнением ожидала Эми прибытия почтового парохода. И когда наконец пришло письмо из Англии, она узнала, что ее старого друга разбил паралич. Ни на один день не стала она задерживаться на острове, тотчас упаковала свои пожитки и первым же кораблем вернулась в Англию.

На родине ее встретили с радостью и любовью. Счастлив был старик, растрогана мать.

Эми быстро вернулась к европейской жизни. Она была такой привычной, и даже будни — такими приятными! Но одновременно ей чего-то не хватало. Она часто вспоминала людей из далекой страны, их безропотное примирение с бедностью. Там не было никакого возмущения, никаких протестов. Там просто принимали свое положение таким, какое оно есть. И если надлежало пропустить одну трапезу, потому что не было риса, тогда обходились без еды. Здесь же всякий раз, когда Эми видела обильно накрытые столы в домах друзей, она пугалась. И в конце концов поняла, что она не вписывается в это само собой разумеющееся благополучие. Внутреннее беспокойство снова начало сверлить и подталкивать ее. В который

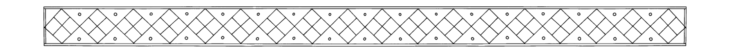

раз Эми мысленно перебирала возможные варианты. В Китай нельзя. В Японии явно было не ее место. На Цейлон возвращаться тяжело. Она упрекала себя в непостоянстве, но догадывалась, что эти попытки были необходимы, как маленькие камешки мозаики, которые только в совокупности составляют картину. Она обрела опыт, который не получила бы ни из каких учебников.

Вскоре Эми пришло приглашение подруги из Бангалора приехать в Индию. Англиканская церковь имела в южной Индии миссионерский пункт, где работы было более чем достаточно. Эми раздумывала. Она не принадлежала к англиканской церкви и не была уверена, обрадуются ли ей в Индии, когда узнают, что она так быстро оставила Японию. Но речь шла не о ее чести и не о том, что подумают о ней другие. Она желала только одного — находиться там, где ее хотел видеть Бог.

Эми снова достала карту мира — на этот раз, чтобы найти Индию, которая была для нее смутной мечтой с видениями о великолепных дворцах и пестро украшенных слонах, о садху[1],

[1] Садху — странствующий подвижник, нищий отшельник.

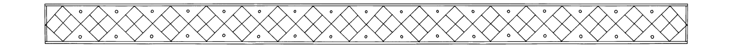
босиком путешествующих по стране, о заклинателях змей и танцовщицах, об омовениях в Ганге[1], о сожжении вдов[2]... На самом деле она мало что знала об этой огромной стране. Эми вспомнился Александр Великий, который на весельных кораблях переплывал бурные пенджабские реки еще за 327 лет до рождения Христа.

Она отправилась в библиотеку, чтобы ознакомиться с индийской историей. Она читала о мудром правителе великом царе Ашоке и о его богатстве; об ужасных гуннах, которые со стороны Монголии на своих быстрых конях совершали набеги, волна за волной прокатываясь по стране. Блеск угас, царство распалось. Люди уходили на юг обживать новые земли. Там была династия пандиясов и палавасов с Наразимаваманом, «царем львов», который в течение сорока лет сохранял мир в стране тамилов. А потом пришли турки, разорили, разграбили

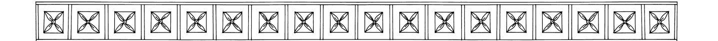
[1] Ганг — река в Индии, символ страны, обожествляется по всему течению от истока до устья. Каждый индус мечтает хотя бы раз в жизни совершить обряд омовения в Ганге.

[2] По древним поверьям, в Индии считается, что женщина, у которой умер муж, приносит несчастье. Поэтому вдову изгоняли из семьи, а иногда даже умерщвляли и сжигали вместе с мужем.

храмы и учинили страшное побоище. Сокровища из Индии вывозили и португальцы, и голландцы, и французы. Наконец страну заняли англичане и вынудили народ работать на них. Эми испугалась. Какую вину взяла на себя ее страна! Чем больше она об этом думала, тем нерешительнее становилась. Поправимо ли такое зло? Горе, причиненное одним человеком другому, не может пройти бесследно. Страна истекла кровью. Люди закабалены. И теперь она должна прийти проповедовать любовь? Ей стало стыдно. Но в то же время в ней крепла уверенность, что нужно идти.

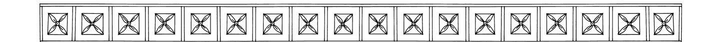

Прибытие в Индию

9 ноября 1895 г. С большого корабля на берег текли пассажиры. У каждого были свои надежды: для одних — работа, для других — приключения, а для третьих — родной дом.

Когда Эми поднималась по истертым каменным ступеням, ей казалось, что она попала в сказку. Завороженная, она остановилась. У выбеленных плоских домиков росли высокие пальмы. Окна хлопали полуприкрытыми ставнями — словно устало моргали. Впереди храм — гигантское строение, какое можно увидеть только в сказочном сне! Солнце отражалось в цветной мозаике. А вот еще храм из белого мрамора с танцующими разноцветными фигурами. Здесь были боги всех размеров и форм, с бесчисленными руками, цветами, звездами, солнцами. На фоне этой захватывающей панорамы шествовал слон, украшенный ярким пестрым ковром, длинная бахрома которого почти касалась земли. На его спине под золотым балдахином сидел чернобородый индиец в белом тюрбане.

— Извините, мадам.

Эми в замешательстве огляделась. Ее отталкивали в сторону и протискивались мимо. Она взяла свои вещи и отошла на несколько шагов в сторону. Позади синело море. В гавани у гигантских черных зданий с железными ступенями и изъеденных ржавчиной кранов покачивалось несколько рыбачьих суденышек. Из закопченных труб валили темные клубы дыма и лениво расплывались по небу. Это был Мадрас.

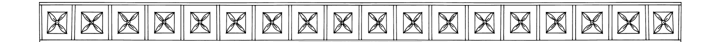
Эми очень устала после долгой дороги. «Дома сейчас греются у камина, — думала она. — Наверное, уже выпал снег».

В это время кто-то потянул ее за платье. Это был мальчик лет пяти или семи, босой, на узеньких бедрах — белая повязка, голая кожа обгорела на солнце. Прежде чем Эми сообразила, что ему нужно, маленькие грязные руки ухватились за ее сумку, и два черных глаза вопросительно глянули на нее.

— Нет, погоди, я еще не знаю, что мне делать.

«Ах, да что я говорю, он ведь не понимает ни слова».

— Минутку! — Она порылась в сумке, не найдется ли там чего съестного. И как она об этом не подумала! Или в чемодане? Она накло-

нилась и открыла чемодан. Тотчас ее окружила ватага ребятишек, которые как мухи вдруг слетелись со всех сторон и теперь с любопытством следили за ее движениями.

— Не все сразу. Я даже не знаю, найду ли что-нибудь для вас, — увещевала она. Потом, удивленно переводя взгляд с одного ребенка на другого, спросила:

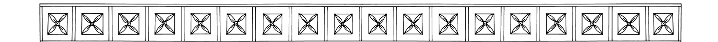
— Вы, наверное, только что приняли грязевые ванны?

Еды у нее не оказалось, зато нашлись кое-какие мелочи: зеркальце, цепочка, несколько монет. Как маленькая дикая орда, кинулись дети на эти сокровища. Они дрались и ругались. Эми воспользовалась моментом, чтобы схватить свои вещи и скрыться в толпе.

Интересно, который час? Стоило поторопиться — после захода солнца быстро темнеет.

«Где они все живут? — размышляла Эми. — Большинство из них, наверное, ночуют под открытым небом без постели и крыши над головой». Как хорошо, что есть дом, в котором ее ждут друзья! Но Эми не знала, в каком направлении идти, и беспомощно смотрела на скопление зданий.

Какой-то плакат на незнакомом языке рекламировал новинку: сдобную выпечку. Чем боль-

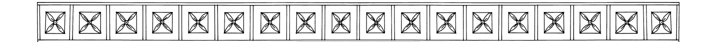

ше она разглядывала нарисованные крендели, тем острее ощущала, что целый день ничего не ела. Махнув рикше, она отдала ему свой багаж, потом уселась на необычный трон с колесами, в который был запряжен человек, и назвала адрес.

Проснувшись на следующее утро, Эми почувствовала себя разбитой. С улицы доносились глухие удары барабана и топот. Но она была слишком слаба, чтобы встать и взглянуть в окно. Маленькая комната словно окутана туманом. Лицо Эми пылало. Она не знала, от жары ли это или у нее высокая температура. Мадрас был лишь короткой промежуточной остановкой. Ей нужно ехать дальше.

Наконец она села в поезд, который направлялся в Бангалор. Эми откинулась назад на жесткой скамье, изредка поглядывая в окно. Но солнце слепило, да и вокруг не было ничего, кроме бескрайнего пустынного ландшафта. Все прежние сомнения нахлынули на нее: неужели она опять ошиблась?

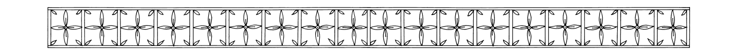
Едва она так подумала, как колеса начали выстукивать монотонно и назойливо: «Назад-хода-нет, назад-хода-нет...» Ей хотелось зажать уши. Вспомнилась мать, и колеса с издевкой

заладили: «Виновна-ты, если-она-умрет, винов-на-ты...» И в то же время отчетливо слышался и другой напев: «Не-бой-ся, не-бой-ся...» Только бы не думать. Но воспоминания уносили ее за собой. Всплыл образ ее старого друга. Зачем она уехала? Ведь она не считала себя сильной. Она чувствовала себя маленьким ребенком, тосковавшим по дому. Эми дала волю слезам. «Вер-нись-на-зад, вер-нись-на-зад...» Эми застонала. Как-то ей нужно выбраться из этого внутреннего хаоса, понять, почему же она оказалась здесь. Она не искала приключений и ни от чего не бежала.

Но сейчас она не могла размышлять о таких важных вещах. Эми заболела.

Новое разочарование

— Это тропическая лихорадка, инфекционное заболевание.

Эми безучастно разглядывала врача, стоящего у кровати. Ей было безразлично, какой он поставит диагноз.

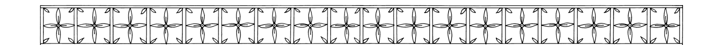
— Как правило, она имеет хороший исход, только... — он был в нерешительности, — влечет за собой так называемые последствия в форме депрессий.

Врач был европеец. Несмотря на то что он уже много лет жил в Индии, в нем все выдавало англичанина. Эми пыталась определить его возраст, но даже эти размышления утомляли ее. Безразлично, тридцать ему, или пятьдесят, или даже сто, — только бы поскорее выбраться отсюда. Она чувствовала себя как в клетке.

Словно угадав ее мысли, он сказал:

— Прежде всего необходим постельный режим.

— Но я приехала сюда не для того, чтобы болеть!

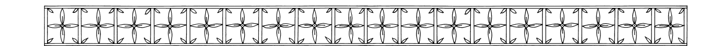

В гневе она повернулась спиной. Потом ей стало стыдно за свою вспыльчивость. Доктор не виноват в ее болезни, он выполнял свой долг.

Эми была рада, когда врач наконец ушел. Жалость к себе возрастала, душили слезы. В этот миг открылась дверь, и заглянула одна из миссионерок. Ее речь походила на ровное журчание воды. Кого напоминал ей этот голос? Эми задумалась. Ах да, одну учительницу из Йоркшира, из интерната Харрогата. Эми тогда было 13 лет. Шел 1882 год, который называли годом комет. Эми хотелось понаблюдать за ночным небом. Но ей запретили. Тогда она тайно пробралась на чердак, чтобы оттуда следить за кометами. Она не предполагала, что ее любопытство вызовет такой переполох. Этот голос, это монотонное журчание... Эми чувствовала, что выходит из себя. Женщина была ей несимпатична. Все в ней отталкивало: картавый голос, непричесанные волосы, узкие бледные губы, холодные глаза, толстая цепь, нелепо свисавшая на платье, высокие шнурованные ботинки.

Эми испугалась. Она не могла так жестоко судить.

«Это — для тебя возможность измениться», — промелькнуло у нее в голове. Но спра-

ведливая мысль только усилила ее гнев. Нет, теперь ей не хотелось меняться. Она желала насладиться своим дурным настроением.

Проснувшись на следующее утро, Эми почувствовала себя лучше. Температура спала. Но будущее, как мрачная тень, вставало перед ней, давило как тяжелый груз, и душа была словно окована цепями. Даже молитва не давала покоя.

Невыносимее всего была жалость к себе. Она чувствовала себя одинокой и лишней. Все раздражало: и что говорили другие, и о чем умалчивали.

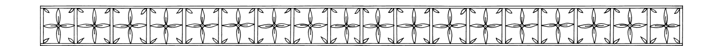
Однажды вечером она всерьез поспорила с той неприятной особой. Все началось безобидно, но вскоре разгорелась возбужденная дискуссия, так что миссионерка в конце концов отмахнулась и сказала:

— Все новички допускают одну и ту же ошибку: хотят изменить то, что есть. Но пожив здесь несколько лет, привыкают.

— Я никогда к этому не привыкну, — упрямо возразила Эми.

— Я тоже так думала, когда была в твоем возрасте.

— Но для чего же вы здесь, если ни один индус не стал христианином?

— Никого нельзя насильно заставить верить.

— Конечно, нет. Но чем вы тогда отличаетесь от государственных служащих из всяких там бюро?

— Не будь обидчивой, Эми. Через двадцать лет и ты станешь такой же «служащей», как ты это называешь.

— Да сохранит меня от этого Бог! Тогда я лучше снова уеду домой.

— Тебе и правда лучше уехать. От тебя — сплошное беспокойство.

— Если я таким образом смогу обратить индийцев...

— Смотри на вещи здраво и постарайся нас понять.

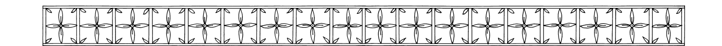
— Понимаю — может быть, но не одобряю. Издалека видно, что вы — англичанка.

— И горжусь этим.

— Гордитесь? Скажите об этом какому-нибудь индусу. Мы разграбили их страну, а теперь хотим обратить их в христианство! Не издевательство ли это?

— Мы сделали много добра. Вспомни хотя бы железную дорогу.

— А вы знаете, для чего ее построили? Чтобы как можно быстрее вывозить из страны сы-

рье и направлять через индийские порты в Европу. Индийцы не имеют никаких прав в своей стране. Они работают, как рабы.

— Ты преувеличиваешь. Мы открыли школы, чтобы они могли чему-то научиться.

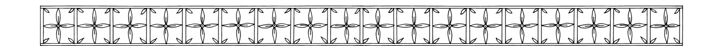
— Вы учите их презирать свои национальные ценности и признавать правильными и хорошими только европейские. Они должны одеваться, как мы, и есть, как едят европейцы.

— Ты еще оценишь это, когда поживешь среди них.

— Я приехала к ним, значит, мне нужно под них подстраиваться, а не наоборот. Я чувствую себя виновной перед этим народом. Процветающую страну разрушили и сделали это целенаправленно. Вы видели местные ткани из хлопка, таких чудесных расцветок? Теперь Индия снабжает сырьем наши фабрики, а индийцы вынуждены покупать нашу продукцию, которая далеко не так хороша и не так красочна, какой была их собственная. И к тому же слишком дорога. Вы называете это подъемом? Я это называю грабежом! И потом, сборщики налогов, эти заминдары[1]...

---

[1] Заминдар — помещик, землевладелец. Во времена английской колонизации им был поручен сбор налогов.

— Ты хочешь стать политиканкой или миссионеркой?

— Как миссионерка, я не могу закрывать глаза на несправедливость.

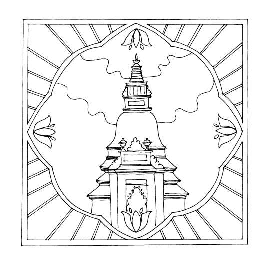
— Несправедливость! Без нажима ничего не добиться. Это естественно.

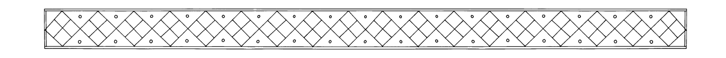
— И вы еще удивляетесь, что они ничего знать не хотят о нашей вере.

Эми возбужденно вскочила.

— Чего ты хочешь?

— Пока не знаю. Но я не могу принять такое наследство.

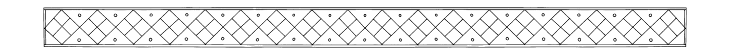
Всякое начало трудно

Чтобы принести индийцам Благую весть, Эми хотела стать подобной им. Не только в одежде, но и в общении. Приступив к изучению языка, она столкнулась с неожиданным препятствием: в этой большой стране было множество наречий. Некоторые говорили, что их больше двухсот, другие предполагали, что еще больше, а третьи утверждали, что существует четырнадцать основных языков и пятьсот различных диалектов.

Чем больше Эми об этом думала, тем малодушнее становилась. Сначала она попыталась изучать язык урду, но потом поняла, что лучше знать тамильский — на нем говорят свыше двадцати миллионов индийцев.

Эми раздобыла учебники и начала вникать в этот сложный язык.

Над городом нависала нестерпимая жара. Откуда-то плыло зловоние, вызывающее тошноту. Часами слышался монотонный барабан-

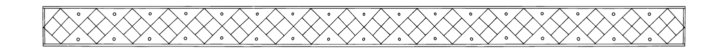

ный бой. Спрятаться от этого было негде. Когда Эми открывала окно, то едва не теряла сознание от смрада, а шум не давал сосредоточиться. Жгучая жара беспрепятственно проникала в помещение. Если окно оставалось закрытым, невозможно было долго выдержать в душной комнате. Приходилось широко открывать все двери и окна, чтобы почувствовать хотя бы легкое движение воздуха.

Ей вспомнились слова опытной старой коллеги: «Будни миссионерского пункта — это изнурительная война с мелочами». И действительно, сколько маленьких препятствий нужно было преодолеть, сколько пережить разочарований, недоразумений, ошибок...

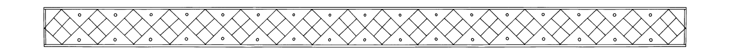
«Вот бы сейчас в Гренландию», — мечтательно промелькнуло у нее в голове. И в то же время она чувствовала, что Индия никогда ее не отпустит.

Эми забралась в самый дальний уголок и заткнула уши ватой. Но жара расползлась повсюду и затаилась, как ленивое чудовище. Спирало дыхание, и Эми стало невмоготу. Укрыться было негде: ни на улице, ни в доме. В конце концов Эми собрала немного вещей и уехала в горы. Там было чуть прохладнее.

Эми была не единственной, ищущей прибежища в горах. Хотя и здесь было жарко, но куда терпимее, чем в городе. Наконец она почувствовала себя человеком! Ее окружал разнообразный мир цветов и деревьев. Никогда прежде не видела она таких красок — красных и желтых, оранжевых и лиловых. Всюду искрилась жизнерадостность. Теперь она поняла, почему индийские женщины столь красочно одеваются. Они следовали окружающей их природе с такой насыщенной, светящейся зеленью, среди которой переливались и сияли красные цветы. Вверху между кронами деревьев ясно голубело небо с редкими белоснежными облаками. А птичьи голоса — воркование и свист, трели и мелодичное пение — составляли выгодный контраст с тем шумом, который люди посвящали своим богам.

Эми нашла себе тенистое местечко под банановым кустом и попыталась заучить первые слова. Сосредоточиться на книжке было трудно. Вся эта удивительная красота притягивала взгляд. Внизу лежала прекрасная долина с разбросанными кокосовыми пальмами и сверкающей на горизонте водой, а на западе поднимались величественные скалистые стены. «Метан а, — повторяла она, и снова: — Метан а».

— Метан, действительно, — послышался вдруг низкий мужской голос. Эми вздрогнула. Туфли, брюки, выглаженная рубашка — это мог быть только европеец. Так как она еще не справилась с заданием на сегодняшний день, она снова уткнулась в свой учебник, не обращая внимания на незнакомца. Он склонился над ней, с любопытством отогнул обложку книги и заметил:

— Так я и думал.

Эми молчала.

— Ах да, извините, Валькер — мое имя. Вы здесь новенькая, если я не ошибаюсь? Эми Кармайкл, не так ли?

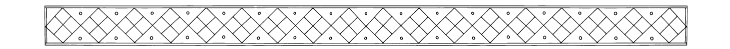
Эми кивнула. Откуда он знал ее имя? Но тут она оторопела. Валькер?

— Из Тинневелли? — взволнованно спросила она.

— Так точно. Но я уже заявил о своем переводе, так что здесь пробуду недолго. Мы собираемся разбить наши палатки в Паннаивилаи. Вы знаете, где это находится?

— Я совсем недавно в Индии, — попыталась оправдаться Эми.

Валькер наклонился и пальцем начертил на земле южную оконечность Индостана.

— Вот Индийский океан, вот Аравийское море и Бенгальский залив, тут Цейлон с Коломбо, а вот здесь, на восточном побережье, — Мадрас. Потом дальше вглубь страны — Бангалор, а вот здесь мы. А там, внизу, на самой оконечности находится Тиранвели. А вот здесь, немного дальше на восток, недалеко от Кап-Коморина, лежит Пиранвилаи. Отроги Западно-Гатского нагорья — позади, а впереди — море. Небольшое местечко. Деревня. Если хотите узнать настоящую Индию и принести Благую весть индийцам, нужно ехать к ним в деревню.

Эми насторожилась. Она вдруг стала разговорчивой.

— Это именно то, что я хочу. Охотнее всего я жила бы в глиняной хижине, среди народа.

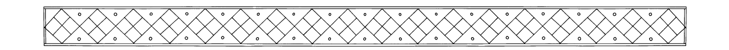
— Это вам не под силу.

— Что вы этим хотите сказать? — Эми была уязвлена.

— Вы бы долго не выдержали, потому что для вас непривычен такой образ жизни. В деревнях — одна только грязь...

— Я бы приучила их к гигиене.

— Типичная европейка. Вы приходите, чтобы научить. И забываете, что есть другой образ жизни, а не только тот, к которому вы сами

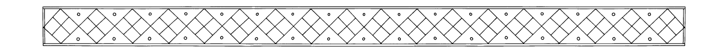
привыкли. Впрочем, вы уже что-нибудь слышали о кастах[1]?

Эми старалась переварить критику, которую ей только что пришлось проглотить. Она ответила смиренно, как школьница:

— Их четыре, не так ли? Брахманы...

— Да, это высшая, класс священников, носителей духовности. Потом идут кшатрии — воины; потом вайшии — торговцы; потом шудры — это крестьяне и ремесленники; а потом бескастовые, которые в конечном счете тоже образуют касту: неприкасаемых. Их примерно 60 миллионов. Но в каждой касте есть еще много подкаст. Внешним признаком высшей касты является святой шнур — тонкая веревка, которая как шарф спускается с левого плеча до правого бедра. Но их можно узнать и по тому, как они носят набедренную повязку и делают тюрбан. И лоб этих людей ярко разрисован. Эта каста — наибольшее препятствие, с которым нам в Индии приходится сталкиваться. И в деревнях куда труднее, чем в больших городах. Мы должны быть предельно осторожны. Напри-

[1] Отличительной чертой индуизма является разделение общества по кастовому признаку.

мер, они считают, что, если наблюдать, как женщина-индианка готовит еду, еда может оскверниться, и тогда все приготовленное выбрасывается. Они скорее будут голодать, чем есть то, что, по их мнению, нечисто. Существуют тысячи запретов. Самый главный из них: «Ты не должен вступать в брак вне своей касты». И второй: «Ты не должен есть ни с кем из другой касты». Это индусы. Но там вы повстречаете и мусульман, и сикхов, которые еще фанатичнее, хотя и в других вопросах; и потом буддисты, они, возможно, знакомы вам еще по Японии. Эти очень толерантны. Простите, это был всего лишь небольшой вступительный урок, обзор страны, так сказать.

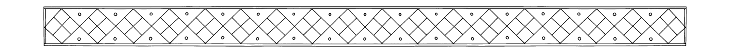
Чем больше Эми слушала, тем явственнее понимала, как мало она знает. Эта страна скрывала много тайн.

— Вы уже давно здесь? — наконец спросила она.

— Больше десяти лет. И все еще учусь. Хочу дать небольшой совет: в округе Тинневелли тамильский изучать лучше, чем в Бангалоре.

— Вы думаете?..

— Почему нет? Я могу быть вашим учителем. Конечно, при условии, что миссия вас от-

пустит. Но я не вижу причин, почему бы им не отпустить вас. Я планирую собрать маленькие группы, с которыми можно потом пойти в деревни.

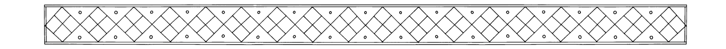
В миссии не возражали, и спустя некоторое время Эми стояла перед маленьким бунгало[1], в котором проживала семья Валькер. Стемнело. Госпожа Валькер провела Эми на веранду, где в этот час собралась маленькая группа индийцев. В свете лампы Эми разглядела двух роскошно украшенных женщин — Зелламутту и Поннамал. Их белые сари[2] резко контрастировали с очень смуглой кожей лица. И еще там был один студент, чье имя она не запомнила.

Вокруг спиртовой лампы оживленно порхали маленькие насекомые. С улицы доносилось жалобное пение, которое становилось все громче. Время от времени пение прерывали резкие свистообразные звуки и глухие удары.

---

[1] Бунгало — тип шатрового жилища, распространенный в жарких странах Азии и Океании.

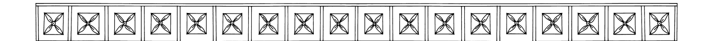
[2] Сари — женская одежда в Южной Азии. Кусок ткани (5—9 x 1 м), один край которого обертывают вокруг бедер, драпируя ноги, а другой набрасывают на плечо или голову в виде шали.

Темное небо озарялось огненными вспышками, которые тут же гасли.

— Сельский праздник, — объяснил Валькер. — Здесь много празднуют. Для каждого бога отдельное торжество. Со всем этим вам еще придется сталкиваться.

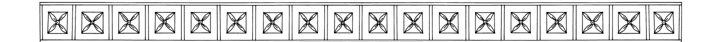

Приходите в другой раз

На следующее утро, еще до рассвета, они были готовы отправиться по деревням. Эми держала лампу, в то время как Валькер запрягал волов. Никто не проронил ни слова. Глиняные хижины как бы утопали в глубоком сне. Вдалеке послышался вой собаки или, может быть, гиены. Валькер дал еще указания, потом все по очереди залезли в повозку, крытую брезентом. Эми повесила лампу на поперечную перекладину, так что внутренность возка слабо освещалась. На полу она разложила подстилку. Повозка тронулась и, шатаясь, как сонная, покатилась по маленькому городку.

На востоке показалась узкая алая полоска, которая на глазах расширялась. Гряда гор черными глыбами возвышалась справа и слева, но за ней уже вырисовывались темные очертания пальм на горизонте. При въезде в деревню располагалась какая-то святыня, тускло освещенная керосиновой лампой. От мелькающей тени гримаса ухмыляющейся статуи идола казалась еще более призрачной.

— Многие здесь поклоняются Вишну, — сказала Поннамал, — а некоторые Шиве. Почти каждая деревня имеет своих собственных богов. Но большинство почитают Вишну.

— Когда я вижу такую святыню, — сказала Эми, — это всякий раз причиняет мне страдание.

— Увы, это так, — подтвердила Поннамал, и они снова замолчали.

— Нам хорошо, Поннамал, наш Бог есть любовь. Я хочу всем об этом рассказать, но не знаю — как.

— Понимаю, — кивнула Поннамал.

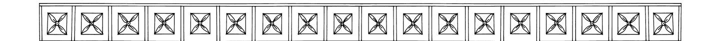
Вот проехали первую деревню, впереди раскинулось широкое поле.

— Как-то они нас примут? — беспокоилась Эми.

— Не знаю, бывает, что вообще не впустят. А может быть, будут приветливыми.

Запела какая-то птица, сначала робко, потом все смелее. Казалось, ее пение пробудило зарю — вдруг небо будто объяло пламенем. Взошло солнце. Эми высунулась из окна повозки и смотрела вверх.

— Поннамал, такого чуда я еще не видела! Как в пурпуре... Как же на небесах будет хорошо! Иногда мне так хочется уже быть там!

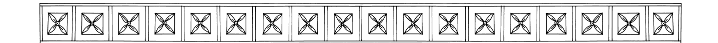
Поннамал молчала. Она тоже любовалась пылающим небом.

Повозка, покачиваясь на бугристой дороге, ехала дальше. На горизонте снова показались очертания деревни. Башня храма издалека казалась рогатым чудовищем. Через несколько метров повозка остановилась под раскидистым деревом. Валькер откинулся назад и сказал:

— Здесь мы разобьем свой лагерь.

Поннамал, Зелламутту и Эми по очереди выбирались из тесного возка и разминали затекшие ноги.

В деревне постепенно просыпалась жизнь: слышались голоса, доносились детские крики. Показались женщины в цветных сари, спешащие к реке. Каждая несла кувшин для воды, опирая его на бедро. По мере приближения к деревне беспокойство Эми все возрастало. На берегу — в некотором отдалении от других — сидел индус, скрестив ноги и обратив лицо к восходящему солнцу. Он наклонялся к воде, набирал немного, отпивал и касался некоторых частей своего тела, потом снова отрешенно смотрел на солнце. Одна молодая женщина привязала платок к банановому дереву и положила туда, как в люльку, своего младенца. Потом взяла кувшин и побежала вслед за другими.

Некоторые несли белье, чтобы постирать в реке. Вдруг женщины забеспокоились. Чужие явно были замечены. Какая-то девочка помчалась прямо к Эми, но была тут же оттащена назад испуганной матерью. Эми видела, как мать увещевала ребенка. Девочка еще раз попыталась вырваться, но матери удалось так запугать свою дочку, что малышка притихла. Тем временем подошли несколько женщин постарше. Вдруг одна из них вскрикнула и что-то громко сказала остальным на своем непонятном языке.

— Ты можешь перевести? — спросила Эми Поннамал.

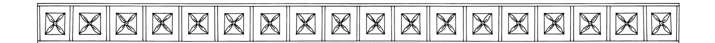
Та замешкалась с ответом, но Эми настаивала:

— Что она кричала?

— «Белый дьявол! Уведите своих детей и спасайтесь сами!»

Ее предупреждению вняли. Но любопытство все-таки взяло верх над страхом. Только дети держались вдалеке. В это время Эми и ее спутницы подошли к женщинам.

Эми тотчас приметила одну молодую индианку. Тяжелые серебряные браслеты унизывали ее руки и ноги, на шее было не менее пяти цветных цепей, красивые заколки украшали волосы. «Должно быть, очень богата», — подумала Эми. В глазах женщины было что-то лукавое. Она первая осмелилась подойти к Эми.

— Мы тебя еще не видели здесь. Ты не здешняя. Откуда ты? — перевела Поннамал.

Прежде чем Эми ответила, подошли и другие индианки, и вдруг все одновременно заговорили:

— Каким мылом ты моешься — у тебя такая белая кожа?

— Почему твои волосы не блестят, как наши? Разве ты не смазываешь их бобровым жиром?

— Ты не носишь украшений, потому что ты бедная или ты вдова?

— Из какой ты касты? — тараторили все разом, и Поннамал едва успевала переводить.

— Я приехала из страны, где нет каст, — сказала Эми, — и я не замужем...

— Что? — воскликнула одна из женщин. — У тебя нет мужа? Как же это случилось, что ты оказалась здесь?

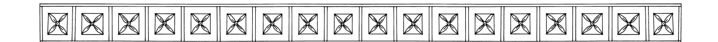
— Мой Бог послал меня к вам.

— Значит, ты служительница храма? Но у тебя нет никакого знака... — недоверчиво осматривала ее собеседница.

— Я ношу этот знак в своем сердце, — пыталась объяснить Эми.

— Что, Вишну или Шива говорили с тобой?

— Мой Бог не Вишну и не Шива, моего Бога зовут Иисус Христос.

— Иисус Христос? Я еще никогда не слышала этого имени. Где же Его храм?

— Он сотворил небо и землю и не живет в доме, построенном человеческими руками. Он хочет жить в сердцах людей.

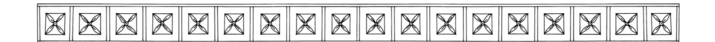
— Не верьте ни одному ее слову, — раздался вдруг чей-то голос.

Только теперь Эми заметила сухопарую старуху с морщинистым лицом, на котором остро поблескивали маленькие черные глазки. По белому пеплу на лбу, груди и руках можно было узнать поклонницу Шивы. Она стояла на гранитной глыбе, как зловещий страж. Из боязни оскверниться старуха держалась поодаль от других.

Очевидно, она пользовалась большим влиянием: женщины испугались. Никто больше не решался задавать вопросы. Эми содрогнулась. Ее охватила тревожная подавленность, так что и она не могла больше вымолвить ни слова.

— Ее религия не признает каст, — продолжала вопить старуха.

Это было знаком для всех. Одна за другой женщины отворачивались и шли к реке, чтобы купать своих младенцев или стирать белье. Пара волов стояла там же, будто ожидая, чтобы их тоже искупали.

— Здесь нам больше делать нечего, — сказала Поннамал, — пойдемте.

Это была маленькая деревня, состоящая всего из нескольких улиц, которые сходились у храма. Не зная толком, что предпринять, Эми и ее подруги отправились дальше. Низкие глиняные хижины тянулись по обе стороны улицы, а посреди дороги лежала дремлющая корова и преграждала путь.

Только Эми хотела свернуть в маленькую боковую улочку, как услышала позади себя быстрые шаги.

— Эй!

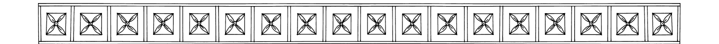
Эми замерла. Она тотчас узнала молодую индианку.

— Вы еще не ответили на мой вопрос. — Лукавство снова блеснуло в ее глазах. — Хотите пойти со мной?

Такого предложения Эми не ожидала...

Они остановились у низкого кирпичного здания без окон. Индианка завела пришельцев во внутренний квадратный двор. Эми впервые попала в индийский дом. С интересом разглядывала она небольшое владение. И здесь крыша была из сушеных пальмовых листьев.

В передних помещениях, расположенных у дороги, жили только мужчины; женские по-

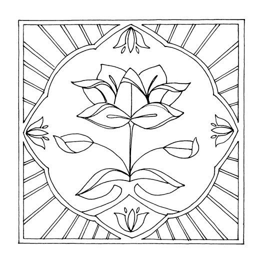
кои — сенана — находились в задней части здания. Высокая стена вокруг двора вызывала гнетущее чувство. Только кусты жасмина и кокосовые пальмы скрашивали общее впечатление и придавали всему более приветливый вид. С крытой веранды доносились детские голоса.

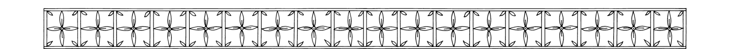
Появление женщин не осталось незамеченным. Дети приближались — вначале немного опасливо. Из дома послышались мужские голоса.

Молодая индианка вдруг занервничала. Она обернулась к Эми, возбужденно подталкивая ее к выходу. В дверях она быстро прошептала изменившимся голосом:

— Он уже вернулся. Приходите в другой раз!

И дверь за ними быстро захлопнулась.

А что это даст?

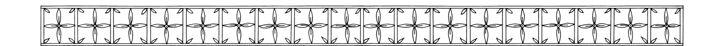
Разочарованные, они вернулись на место стоянки, где их ожидали господин Валькер и студент-индиец. С ними произошла похожая история.

Подошло время обеда, солнце нещадно палило. Казалось, вся земля замерла. Даже высокие пальмы словно затаились. Не было слышно ни ветерка, ни шелеста листьев, ни птичьих голосов.

Маленькая группа устроилась в тени, спасаясь от палящих солнечных лучей.

— Попробуем в другом месте дальше на запад, — предложил Валькер. — Я несколько раз там был. В той деревне есть даже христиане, правда, об этом они забыли. Ехать примерно пятьдесят миль. Можно успеть до темноты, но отправляться лучше немедленно.

Однако ночь наступила прежде, чем они достигли деревни. При помощи маленькой керосиновой лампы отыскать дорогу в темноте было невозможно.

— Придется здесь остановиться, — сказал Валькер. — Женщины будут спать в повозке, а мужчины — на траве.

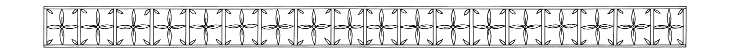
Среди ночи Эми проснулась. Небо было усеяно светящимися точками. Луна белым шаром висела над горизонтом и заливала землю таинственным мертвенным светом.

Осторожно, чтобы не разбудить спящих, Эми вылезла из повозки. Вдалеке виднелись маленькие хижины, тесно прижавшиеся друг к другу. Над ними зловеще возвышалась черная громада храма.

«Господь, эти люди не знают, что Ты их любишь, — молилась Эми. — Им неведомо, что Ты из любви к ним пошел на крест. Никто не сказал им, что Ты победил смерть. Они продолжают жить в страхе. Я хочу им сказать, что Ты живой, но двери закрыты, словно замурованы. Господи, эта деревня принадлежит Тебе. Помоги нам стать свидетелями Твоей победы».

Когда наутро первые лучи солнца разбудили село, Эми чувствовала себя усталой и разбитой.

Поблизости, склонившись, ходила старая женщина и подбирала с земли черные лепешки.

— Это коровий навоз — универсальное местное средство от любых неприятностей, — объяснил Валькер. — Даже помещения опрыскивают жидким навозом для дезинфекции. И когда дети болеют, их лечат молоком, в которое добавляют мочу и навоз. Навозом топят печь, он служит защитой от злых духов. Корова считается здесь священным животным, ей приписывают скрытые силы. У нее больше прав, чем у человека, — добавил он.

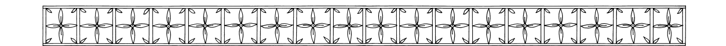
Эми дошла до ограды храма. Сквозь железные прутья таращился идол с широко раскрытым ртом, из которого торчали два острых клыка.

Вскоре их маленькая группа была окружена жителями деревни. Сначала весь интерес был направлен на белую женщину. Как и в соседнем селении, Эми засыпали вопросами. Потом к женщинам обратилась Поннамал:

— Помните, в прошлом году я была в вашей деревне? Тогда я еще молилась идолам — как и вы. Но они мне не ответили. Да и как это возможно? Они ведь неживые. Бог, которому я теперь служу, живой.

— Ты Его видела? — удивленно спросила одна из женщин.

— Я видела Его знаки. И Он обращался к моему сердцу.

Некоторые недоверчиво захихикали.

— А что это нам даст, если мы будем поклоняться твоему Богу?

И все наперебой начали спрашивать:

— Будет у нас каждый день рис для нас и наших детей?

— А мои пальмы смогут лучше расти?

— А чума в нашу деревню больше не придет?

— Она предала свою касту, — раздался голос сзади. Все забеспокоились. Поннамал попыталась объяснить:

— Когда наши отцы ввели касты...

Но ее слова заглушил крик:

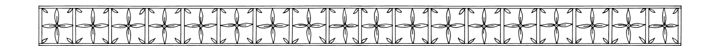
— Не верьте ей, это все обман!

— Она получает за это деньги? — спросила одна из женщин свою соседку. Ее тощее лицо носило следы перенесенной болезни.

— Конечно. За одну из нас ей дадут тысячу рупий. А за людей из веллала-касты по пятьсот за каждого.

Все прислушались. И когда индианка заметила, что находится в центре внимания, она еще больше распалилась:

— Даже за детей из самой низшей касты она что-то получает. А за нас, представьте, по тысяче за каждую!

— Тьфу! — сплюнула одна, и снова: — Тьфу!

— Бросай ее в колодец! — раздались зловещие выкрики.

Но до расправы дело не дошло: случилось нечто неожиданное. Из деревни примчался мальчик лет десяти и уже издалека закричал: «Гуру! Гуру!» Словно ураган пронесся над равниной — так быстро все разбежались. Вдали показалось облако пыли, медленно продвигавшееся к маленькому селению.

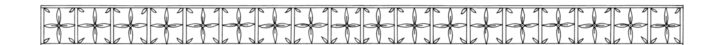
«Гуру! Великий гуру!» — слышались пронзительные голоса. Зазвучали «там-там» барабанов и резкий свист. Пыльное облако наконец остановилось у большой груды кирпичей, и из запряженной волами повозки вышел маленький, приземистый мужчина в пестрой одежде. Его тотчас окружили и под восторженные возгласы увели в дом. Толпа в благоговении ожидала на улице. Только после того, как мужчины, сопровождавшие гуру, поговорили с народом, люди постепенно стали расходиться. Каждый отправился заниматься своим делом.

Эми вопросительно взглянула на Валькера:

— Пойдем в деревню?

— Сходите, я подожду здесь.

На них, казалось, никто не обращал внимания. Они были забыты. Повозка гуру по-прежнему стояла у дома.

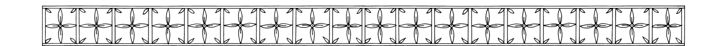
Эми остановилась, чтобы хоть краем глаза заглянуть в открытую дверь, у которой дремал на страже один из мужчин в форменной одежде.

Гуру лежал под расшитым золотом покрывалом из ярко-красного шелка. Напротив него — алтарь с таким же балдахином. На алтаре были выстроены фигуры разных идолов. Возле алтаря — обтянутый кожей стул. На стенах изображения богов и богинь. Тут же, у алтаря, под кадильницей и венками из роз — клетка с попугаем.

— Кыш! — отпугнул страж Эми ленивым движением руки.

Через несколько домов стоял маленький храм. Утреннее солнце залило его своим сиянием, так что все краски сверкали. Кто-то положил перед алтарем букет жасмина.

Ближайший дом был сделан из глины, которая в некоторых местах начала крошиться. И крыша закрыта кирпичами всего лишь наполовину. Вторая половина наскоро заделана чем попало. Обитая латунью входная дверь усеяна отпечатками ладоней из коровьего помета, который быстро высыхал на солнце и покрывал дверь как бы светлыми печатями. Это был символ силы, которая держала дверь закрытой.

В некоторых домах и стены внутри были так же опечатаны. Считалось, что, если божество вечером увидит этот знак, оно благословит дом.

— Они впустят нас? — обратилась Эми к Поннамал и постучала.

— Никого нет дома, — прозвучал голос изнутри.

И в следующем доме все повторилось. Они, разочарованные, уже хотели уходить, когда из дверей вышла девушка. По черной точке на лбу можно было понять, что она еще не замужем. Девушки обычно проводят время внутри помещения. Эта молодая индианка была великолепно украшена, словно собиралась на торжество.

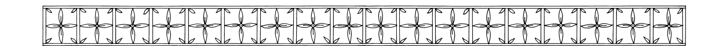
— Можно, мы зайдем на минутку? — спросила Поннамал.

— Да, проходите, — пригласила она несколько удивленно.

Одновременно с ними во двор протиснулся старый индус, все тело которого было покрыто грязью, косматые волосы посыпаны пеплом, а по лицу ползали насекомые. Злые маленькие глаза косили, выступающие зубы были красными от постоянного жевания бетеля[1], а голос звучал, как хриплое карканье ворона.

---

[1] Бетель — смесь пряных листьев перца бетель с кусочками семян пальмы арека и небольшим коли-

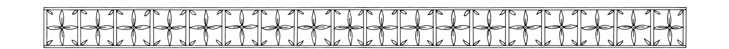
— Фу!.. — воскликнула девушка с отвращением.

Он тупо оскалился, бросился на землю и стал барахтаться в пыли. Молодые и старые женщины, некоторые с презрением, а некоторые насмешливо, наблюдали это зрелище.

В то время как Эми пребывала в нерешительности, не зная, как себя вести, к ним подошел мужчина лет тридцати. Его вид излучал достоинство. Почти благоговейно женщины отпрянули в сторону. Казалось, он совсем не замечал старика, валявшегося на земле. Именно таким Эми представляла себе садху. Как завороженная, разглядывала она его. Эми охотно бы с ним поговорила. Будто угадав ее желание, он сказал тихо, нараспев:

«Кто даст желаньям в себе исчезнуть,
найдет покой;
не тот, кто им подчиняется.
Человек, который отказывает каждому
желанию
и не требовательно живет,
свободный от самодовольства и эгоизма,
войдет в душевный покой...»

чеством извести. Используют как жвачку; возбуждает нервную систему.

— Он цитирует из «Бхагавадгиты»[1], — прошептала Поннамал.

«Кто во всяком деле только обо мне
помышляет,
в жизни любит меня больше всего,
отдавшись мне полностью,
кто никого не презирает
и не пристрастен ни к чему,
однажды тот, о сын Панду,
ко мне придет».

Пока он пел так одну строфу за другой, казалось, что для него все окружающее вдруг исчезло.

— Спроси его, кто брахман[2], — подбодрила Эми Поннамал.

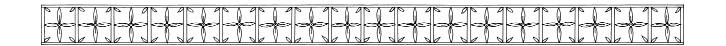
И садху тотчас начал:

«Брахман — бессмертное востока,
брахман на западе,

---

[1] «Бхагавадгита» — литературный памятник религиозно-философской мысли Древней Индии I тысячелетия до н. э.

[2] Брахман — 1) одно из центральных понятий индуистской философии и религии индуизма, космическое духовное начало, безличный абсолют, лежащий в основе всего существующего. 2) Член высшей жреческой касты.

брахман на юге и севере,
брахман простирается вниз и вверх,
брахман — это великое прекрасное всё».

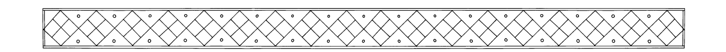
И после небольшой паузы он еле слышно добавил:

— Брахман — это я.

Он словно смотрел сквозь них в бескрайнюю даль, таким отрешенным казался его взгляд.

Эми стало не по себе. Слова звучали так знакомо и все же были чужими. Да, этот певец был близок и далек одновременно. Она поняла, что человеческому красноречию никогда не переубедить этого человека. Сам Бог должен был убрать завесу и открыться ему.

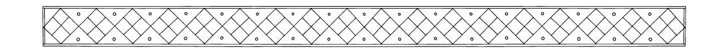

Арулай

День проходил за днем. Эми усиленно занималась изучением языка. Но больше всего она любила ходить с Поннамал по деревням и маленьким городам. В соседних селениях она уже перестала быть чужой, к ней привыкли. Но было еще бесчисленное множество других деревень. Поездки становились все более продолжительными, иногда по нескольку суток. Часто Эми в одиночку ездила верхом по полям. Это напоминало родину. Она тосковала, но уверенность, что люди здесь нуждаются в ней, спасала от излишней чувствительности.

Неподалеку от Паннаивилаи располагалась деревня Грейт-Лак, где находилась миссионерская школа. Однажды их маленькая группа собралась вокруг Валькера у деревенского колодца. Вечерело. Лучи заходящего солнца прятались в густой зелени росшего рядом дерева и дразнили попугая, который взволнованно порхал с ветки на ветку и хлопал крыльями.

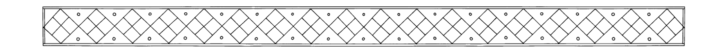

Несколько индианок, которые с вечера хотели набрать воды, остановились послушать. Некоторые подшучивали. Эми, заметив, что не может следить за беседой, рассматривала лица собравшихся и молилась. Тут она увидела, что за ней наблюдают. Чуть поодаль стояла девочка лет десяти или одиннадцати, одетая и украшенная, как взрослая. На детском личике были печаль и выражение ожидания. Это был вопрос, не просто любопытство.

«Если бы я могла поговорить с этим ребенком», — подумала Эми, но знание языка было еще недостаточным.

Девочка уже собралась уйти, но вдруг что-то привлекло ее внимание. Немного помедлив, она еще раз вплотную подошла к группе. В этот миг их взгляды встретились. Эми улыбнулась. Но девочка не ответила улыбкой. Она отчужденно смотрела на Эми, в ее взгляде было нечто непонятное: тоска или немая просьба. Что-то волновало этого ребенка. Эми уже готова была подойти к ней, но девочка вдруг исчезла. Напрасно Эми искала ее глазами.

Небо прямо на глазах затянуло темной тучей. У дверей засветились первые керосиновые лампы, словно маленькие светлячки.

«О Иисус, Ты знаешь этого ребенка. Тебе известно не только его имя. Возложи Свою руку на это дитя. Оно принадлежит Тебе!» — встревоженно молилась Эми.

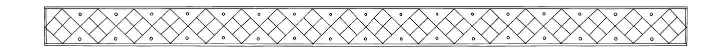
Вернувшись ночью домой, она все еще думала о девочке, видела ее глаза... Но через несколько недель встреча забылась.

Было воскресенье. Христиане маленького городка Паннаивилаи собрались в церкви на богослужение. Эми сидела на полу у большой колонны. Вдруг она почувствовала прикосновение. Девочка! Какой-то радостный страх охватил ее. Как она попала сюда? В первый раз она увидела ее в деревне за много километров отсюда. Тот вечер у деревенского колодца вдруг живо предстал перед ней. Удивительно, что она нашла сюда дорогу. Хотя теперь это было неважно, главное — она пришла. Девочка доверчиво прижалась к Эми, но тело ее трепетало так, что звенели браслеты.

— Я пришла к тебе. Теперь я у тебя останусь, — со счастливым выражением лица повторяла она.

Эми сначала подумала, что неправильно поняла ребенка.

— Как тебя зовут? — ласково спросила она.

— Арулай. Я, вообще-то, живу совсем не здесь, а в деревне далеко отсюда. Но мои родители отправили меня к моему дяде. Они сказали, что ты меня заколдовала.

— Заколдовала? — вопросительно подняла брови Эми.

— Да, заколдовала. В тот вечер у колодца. Ты помнишь? С тех пор они боятся, что я оскверню касту. И чтобы я никогда с тобой не встречалась, они отправили меня к дяде. Я так огорчилась, ведь мне запретили тебя видеть. А теперь ты рядом со мной. Мой дядя не знает, что я здесь. Никто не знает. Я очень рада, что теперь останусь у тебя.

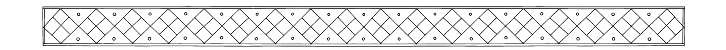
Эми была достаточно осведомлена о здешних обычаях и знала, что по закону принять ребенка невозможно. Поэтому она мягко возразила:

— Ты еще слишком мала, Арулай. Твои родители тебя снова заберут.

— Но я не пойду обратно к родителям. Я просто останусь у тебя, — настаивала Арулай.

Эми обняла девочку и с любовью прижала к себе.

— Я была бы счастлива, если бы ты могла быть моей дочерью, Арулай. Я поговорю с твоими родителями, — предложила она.

— Это не поможет. Они никогда не согласятся. Я же говорю, они боятся, что я оскверню касту.

— Но ты можешь есть отдельно от других и готовить свою собственную пищу.

Арулай только грустно покачала головой.

— Но если мы возьмем тебя, мы пойдем против закона!

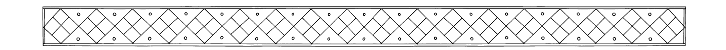
Эми помолчала. Потом ей пришла мысль:

— Может быть, отец разрешит тебе приходить на занятия... Я могу научить тебя читать и писать.

Так оно и получилось. Арулай было разрешено регулярно посещать школу. Но однажды утром она исчезла. Эми везде искала девочку. Страшные мысли приходили ей в голову. Мертвый ребенок был для некоторых родителей лучше живого, преступившего кастовые законы и тем самым навлекшего позор на семью. Не постигла ли Арулай подобная участь?

В ту ночь Эми часто просыпалась и прислушивалась. Вдруг ей показалось, что она слышит голос девочки, зовущей на помощь. Она вскочила и побежала вниз по лестнице, но в деревне, погруженной в глубокий сон, было тихо.

Проезжая по селениям, Эми с Поннамал всюду искали Арулай. Эми все еще надеялась

услышать знакомый звонкий голосок и увидеть перед собой милое улыбающееся личико.

Эми боялась, как бы с Арулай не произошло то же, что с Эсли или Кохилой, которым подмешали зелье в пищу.

«Господь, сохрани это дитя», — часто молилась Эми.

Так прошло восемь тревожных месяцев. Однажды воскресным утром Эми вышла из дома и вдруг увидела Арулай, сидящую у двери. Девочка сильно изменилась. Эми приподняла ее и прижала к себе:

— Арулай!

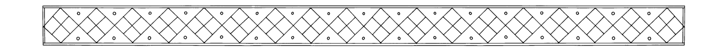
Но ответа не было, она не реагировала.

Эми внимательно осмотрела ребенка и поняла, что девочка серьезно больна: ее глаза блестели, руки были горячие, пульс быстрый.

— Бедная моя девочка! Не нужно ничего говорить. Я так рада, что ты вернулась. Пойдем.

Рядом со своей постелью Эми приготовила постель для Арулай и потом день и ночь дежурила около нее.

Спустя несколько дней температура у Арулай спала, и девочка начала выздоравливать. Эми узнала, что произошло: когда отец заметил, что Арулай читает Библию, он запер дочь в комнате и велел сторожить ее. Только убедившись, что она больна, он наконец выпустил ее.

— Эми, тебе письмо, — послышался голос Поннамал.

Она сразу узнала почерк своего старого друга и с радостным волнением вскрыла конверт. Письмо заканчивалось просьбой: «Постарайся до зимы приехать, без тебя мне очень плохо».

Пока Эми снова и снова перечитывала эти слова, Арулай внимательно следила за ней.

Дорогого ей человека второй раз разбил паралич, и он просил ее вернуться домой. Эми чувствовала, что разрывается между привязанностью к доброму другу и ответственностью за Арулай. Ведь эта девочка нуждалась в ее поддержке здесь, может быть, даже больше, чем ее друг на родине.

Думая об Арулай, Эми мысленно перенеслась в свое детство. Как-то в Белфасте они с матерью зашли в кафе. На улице было прохладно и дождливо. Сидя в тепле и наслаждаясь горячим какао, Эми увидела за окном маленькую девочку в тонком стареньком платьице. Ей было холодно стоять босыми ножками на мокром асфальте. Прижав лицо к стеклу витрины, она с жадностью разглядывала торты и сладости. Эми отодвинула какао, почему-то оно не казалось больше вкусным. И произнесенные ею слова прозвучали как клятва:

— Когда я вырасту и у меня будут деньги, я знаю, что сделать. Я построю большой красивый дворец для маленьких девочек.

Эми очнулась от воспоминаний.

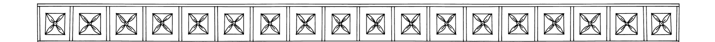
— Да, Арулай, — сказала она, — когда у меня будут деньги, я построю дворец для таких маленьких девочек, как ты. Я никогда тебя не покину.

На следующий день почтальон снова принес письмо с родины. Эми боялась вскрыть конверт. Прочитав наконец письмо, она была совершенно утешена: «Иисус говорил: *«Кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня»*[1]. Это правильно — принести драгоценный дар Тому, Кто отдал Себя для нашего спасения. Не следуй никакому другому голосу, кроме Его...» — писал ей все понимающий старый друг.

---

[1] Мф. 10:37.

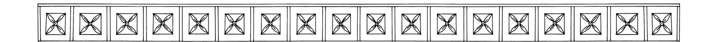

Это плохое место!

Пришел март. Природа словно окунулась в свежие краски — так все засветилось. Жара немного отступила. Но солнце еще жгло, и воздух, казалось, собирался закипеть.

Господин и госпожа Валькер на несколько недель уехали в горы, а Эми с Поннамал уже несколько дней были в пути. Лишь Зелламутту и Арулай остались дома. Эми с Поннамал не решились взять с собой девочку из боязни, что в дороге ее могли отнять. Только достигнув шестнадцатилетнего возраста, Арулай могла отвечать сама за себя. А пока что она была собственностью семьи.

Странное беспокойство охватило Эми: ей хотелось как можно скорее возвратиться домой, в их маленький домик. Спасаясь от жары, они ехали ночью. Последние дни были очень утомительными. Позади немало разочарований. Но кое-где двери чуть-чуть приоткрылись. Как-то одна из женщин прокричала им вслед:

«Приходите еще и расскажите нам побольше о вашем Боге».

Эми подгоняла волов, которые и без того шли быстро, как могли. Около двух часов ночи они прибыли в Паннаивилаи. Эми спрыгнула с повозки.

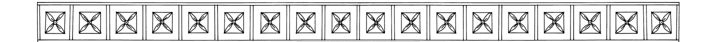
Пока Поннамал управлялась с волами, Эми поспешила в дом. Сейчас она думала только об Арулай. Ей недоставало этого ребенка, и она радовалась, что снова увидит ее. Эми зашла на веранду: Арулай мирно спала в своей постели. Возле нее свернулась большая лохматая собака, она чуть-чуть приоткрыла глаза и сразу же уснула.

«Если это увидит господин Валькер...» — промелькнуло у Эми. Она знала, что Валькер не относился к числу любителей животных. Но теперь она лишь облегченно вздохнула: Арулай была на месте. Эми тут же, не раздеваясь, опустилась на свою постель и тотчас уснула.

Прошел, может быть, час, когда ее разбудили крики и хлопанье в ладоши. Сначала ей показалось, что это сон. Но потом зарычала собака. Арулай проснулась и воскликнула радостно и удивленно:

— Эмма! Когда ты вернулась?

— Сегодня ночью, Арулай.

— Ты опять уедешь?

— Пока нет. Спи, еще рано.

Обе заснули.

Снова крики. На этот раз Эми слышала их совершенно отчетливо. Она окончательно проснулась.

— Не уходи, — испуганно шептала Арулай.

— Я только посмотрю, кто там кричит.

Эми зажгла фонарь и открыла дверь. Свет лампы осветил индианку, держащую за руку ребенка лет семи. Ребенок был слаб и измучен, а женщина казалась очень возбужденной. Эми провела их в комнату.

— Если бы не ты, я увела бы малышку, — сказала женщина.

— Но я не хочу! — девочка заплакала.

Эми наклонилась к ней и погладила худенькое личико.

— Чего ты не хочешь?

— Я не хочу назад, — сквозь слезы твердила она.

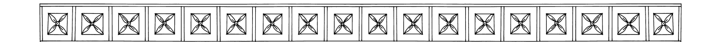
Эти слова были так знакомы Эми.

— Куда ты не хочешь возвращаться?

— К женщинам.

— К каким женщинам? — пыталась понять Эми.

— Из храма.

— Я ее нашла, — объяснила индианка. — Она сидела у входа в церковь. Она пришла из храма.

— Как же тебя зовут?

— Преена, — всхлипывая, произнесла девочка.

— Преена, расскажи-ка нам, что случилось. Почему ты не хочешь назад?

— Потому что они злые. Очень злые. Такие злые!

Эми взяла руку девочки и нащупала шрамы.

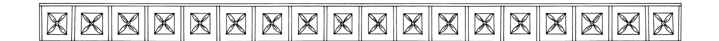
— Ты поранилась? — спросила она.

Девочка покачала головой.

— Когда я в первый раз убежала, они наказали меня огнем.

Постепенно Эми выяснила, что произошло.

Преена жила в Тутикорине, на юго-восточном побережье. Отец ее умер. Однажды они с матерью посетили храм в Грейт-Лаке. В этом храме жили индианки, которые называли себя служительницами богов. Когда они увидели ребенка, то стали уговаривать мать посвятить девочку богу Перумалу. По их вере, бог Вишну пришел на землю в девяти различных образах. И одним из них был Перумал. Девочка не знала, что это значит. Когда женщины привели ее в храм, их встретил жрец. Он был сердитым и

грубым. Красными воспаленными глазами он оглядел малышку с ног до головы, так что девочку бросило в дрожь. Она больше не слышала, о чем говорили взрослые. У нее была только одна мысль: убежать. Она оглянулась, ища мать, но той уже не было.

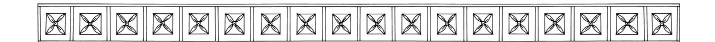
Преена осталась одна. Ее пугала мысль о страшном жреце.

«Это не человек, — думала она, — наверное, он — демон».

В ту же ночь Преена сбежала из храма, чтобы возвратиться домой. Дорога была дальней. С матерью они добирались до храма два дня. Теперь, пешком, времени требовалось намного больше. Страх гнал Преену вперед. Когда проезжали повозки, малышка пряталась, опасаясь быть обнаруженной.

Когда Преена добралась до своего дома, ее уже поджидали. Служительницы храма, заметив ее исчезновение, тотчас помчались вслед и прибыли раньше.

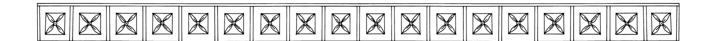
Преена уцепилась за мать. Но мать, опасаясь гнева богов, оттолкнула от себя ребенка. Женщины, торжествуя, схватили ее и потащили обратно в храм. Теперь Преену охраняли днем и ночью.

— А потом я увидела свет. Может быть, мне это и приснилось, я не знаю. Во всяком случае, это было ночью. Было совсем темно, и все же был свет. Но не луна. Потом раздался голос кого-то невидимого. Он был добрый. «Пойдем», — позвал голос. Мне было совсем не страшно. Жрец спал. Я встала и пошла вслед за светом. Я совсем не знала, куда. Сначала я шла за светом по залу храма, потом через двор, до деревенской улицы, потом перешла через реку. Вода доходила только до колен, — Преена показала на ноги. — За пальмами уже была деревня. Тут свет исчез. Я не знала, что мне делать, поэтому села и стала ждать. Я думала, что голос или свет еще раз появятся. Я уже не боялась.

— А я случайно проходила мимо, — подхватила рассказ индианка, — зашла к родственникам и задержалась. Обычно в это время я дома. Увидев у дверей ребенка, я удивилась и подумала: не сидеть же ей здесь всю ночь. И сразу вспомнила о храме. Храм — плохое место для такого ребенка. Но я не знала, вернулись вы уже или нет. Если бы вы не вернулись, мне пришлось бы отвести ее обратно в храм.

— Но я не хочу туда. Я лучше умру.

Такой решительности от семилетней девочки Эми не ожидала. Когда женщина увидела вопросительный взгляд Эми и заметила ее растерянность, она быстро зашептала ей на ухо:

— Младенцев продают в храм, когда умирает отец и не хватает денег на похороны. И когда рождается слишком много дочерей. Нелегко всех выдать замуж. Лучше посвятить их храму, чем выдать замуж в другую касту.

Она с опаской оглянулась и прошептала:

— Вам нужно быть осторожной!

Не простившись, она исчезла в темноте.

Эми обняла девочку и заботливо спросила:

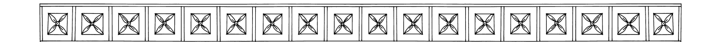
— Ты, наверное, проголодалась?

Преена кивнула.

— Скоро будет завтрак. Подожди немного, а потом я уложу тебя спать.

Девочка освоилась и не проявляла признаков страха. Она доверчиво начала рассказывать обо всем, что пережила в храме. То, что она говорила, звучало так невероятно, что Эми с трудом могла этому верить. Но когда она смотрела в открытое детское личико, то убеждалась, что ребенок говорит правду.

В это время на улице послышались возбужденные голоса. Преена замерла и начала дрожать всем телом.

— Это они. Они хотят меня забрать, — вырвалось у нее. — Не отдавай меня, пожалуйста, — просила она.

— Не бойся, Преена, — успокаивала ее Эми.

— Их много, они пришли все вместе.

— Нас больше.

Когда Эми увидела удивленный взгляд, она объяснила:

— Наш Бог сильнее. Он может послать нам много-много ангелов, которые защитят тебя. Разве Он не послал тебе ангела, когда вывел из храма? Он не позволит тебе снова оказаться там.

Но Преена все еще не верила. Крики за дверью становились все громче, и скоро по ней забарабанили сильные кулаки.

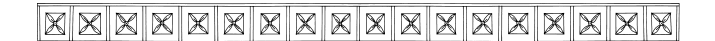
Эми открыла. Увидев Преену, служительницы храма тотчас хотели накинуться на нее.

— Стоять! — крикнула Эми.

Женщины на секунду замешкались. Эми взглянула на суровые лица и поняла, что девочка говорила правду. Она окончательно решила, что ни за что не отдаст им ребенка. Преена стояла как каменная.

— А ну пошли! — закричала одна из женщин.

Преена только покачала головой.

— Ты принадлежишь нам. Мы заплатили за тебя, — угрожающе выкрикивали остальные.

— Нет, — сказала Преена. Но голос отказал ей.

Одна из служительниц попыталась проскользнуть прямо к девочке.

Но в этот момент быстрыми прыжками примчалась собака и яростно зарычала на чужих. Те невольно отступили назад.

— Убери эту бестию, — повелела одна из них.

— Нет, не надейтесь. Стойте на месте, и она вам ничего не сделает. Но если приблизитесь хотя бы на шаг, я ничего не могу гарантировать.

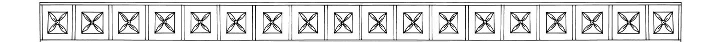
— Ребенок наш!

— Я ее мать! — заявила одна из женщин.

Тут Преена снова пришла в себя. Она закричала:

— Это неправда! Ты лжешь! Ты не моя мать. Ты делала мне больно. И ты показывала мне плохие вещи. К тебе я никогда не вернусь.

— Будет лучше, если вы уйдете и никогда больше не появитесь здесь, — приказала Эми спокойно, но твердо и с этими словами закрыла дверь.

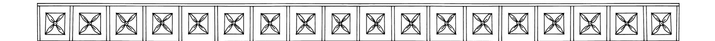

— Ты пожалеешь об этом, — раздавались снаружи злые выкрики. И угроза еще долго звучала у Эми в ушах. Она догадывалась, что втянулась в борьбу, где ей не устоять собственными силами.

Через несколько дней Эми узнала, что в миссионерской школе в Грейт-Лаке произошел пожар. Сгорел и дом учителя. Когда Эми пришла в деревню, ее встретили жесткие, непроницаемые лица.

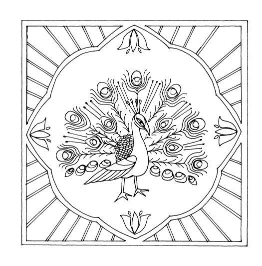
Она была очень встревожена тем, что услышала от Преены и индианки. Вместе с Поннамал Эми пыталась вникнуть в обстоятельства дела. Пока Арулай и Преена жили в семье Валькеров, а Зелламутту в бунгало, Эми с Поннамал путешествовали из одной деревни в другую, отыскивая детей, оказавшихся под угрозой быть проданными в храм. Казалось, вся Индия опутана сетью паутины, а служительницы храмов притаились, как пауки, готовые поглотить добычу.

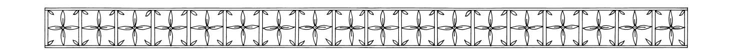
То тут, то там из темных глубин на поверхность пробивались слухи. Государственные организации Бомбея и Калькутты тоже занимались этой проблемой. Но даже закон не мог рассеять мрак невежества, чтобы помочь детям. Традиция оказывалась сильнее. А страх

перед богами и демонами смыкал уста даже тем, кто был готов что-нибудь сделать.

Эми написала письма миссионерам и направила сообщение правительству, но вскоре убедилась, что ожидать помощи от официальных кругов не имело смысла. Чтобы не подвергать риску все дело, спасательную акцию следовало проводить тайно, как можно дольше оставаясь в тени.

В храме

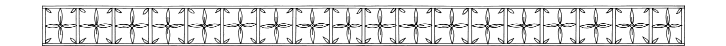
Однажды кто-то подсказал адрес ребенка, которого собирались продать в храм. Эми знала, что нельзя терять время: служительницы не дремлют.

Вот уже несколько часов она была в пути и теперь ждала попутного автобуса. Но он был так набит людьми, что даже не сделал попытки остановиться и взять еще одного пассажира. Эми разочарованно смотрела, как он поехал дальше, окутанный гигантской тучей. Следующий будет нескоро. Пыль белым налетом покрывала листья пальм, проникала в нос и уши и резала глаза.

Напрасно она надеялась, что автобусом доберется до места скорее, чем на повозке.

Пыльное облако исчезло за горизонтом. Воздух дрожал, тень пальмы уменьшилась так, что не могла больше служить укрытием от зноя. Эми стало плохо. Она чувствовала, что близка к обмороку.

«Лучше отправиться пешком, чем оставаться здесь под солнцем», — сказала она себе. Но

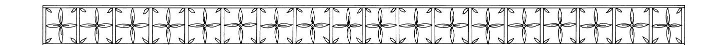
каждый шаг причинял страдание. Эми часто оглядывалась, не едет ли какая-нибудь повозка, но дорога была пуста.

«Ты страдал за нас, Господь, — молилась она, — и я не хочу жаловаться».

Когда вдалеке показались первые хижины, был уже вечер. Это были жилища бескастовых. Они находились вне деревни, следуя закону строгого разделения. Каждая каста имела собственный квартал или улицу, иногда свою деревню. Никто из касты брахманов не мог дружить с кем-либо из касты горшечников, или земледельцев, или лудильщиков. Им нельзя было вместе есть и уж совершенно невозможно заключать между собой браки. Даже тень неприкасаемого могла осквернить брахмана, и ему пришлось бы еще раз совершить утомительную церемонию очищения. Здесь полагали, что нарушение законов касты повредит человеку в следующей жизни.

Индус верит, что имеет множество жизней и ступень, на которой он восстанет к новой жизни, зависит от того, как он жил в предыдущей.

Эми так устала, что, казалось, не могла больше сделать ни шагу. У входа в селение она заметила старый заброшенный сарай. Полумрак внутри действовал успокаивающе, но жара

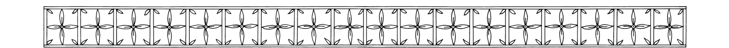

проникала в самые дальние уголки. Только теперь зной не был таким лихорадочно-жгучим, как несколько часов назад. Эми хотела немного отдохнуть и пойти дальше, но тотчас уснула.

Разбудил ее страшный шум. Была уже ночь. Эми подошла к воротам. Слышались барабанные удары, свист, топот и крики. В небе вспыхивали огни, факелы выписывали светящиеся круги. Ракеты шипели в воздухе, разлетаясь разноцветными брызгами. Храм окружал яркий огненный венок, свет от которого отражался в тысячах цветных камней. Казалось, будто здание объято пламенем. Эми нерешительно пошла навстречу огненному морю. Слева и справа выстроились дома, как на параде.

Чем ближе Эми подходила к селению, тем оглушительнее становился шум. Отовсюду выходили люди и вливались в общий поток. Лавина людей продвигалась вдоль улицы по направлению к храму. Кричали козы, которых тянули на привязи. Они отчаянно сопротивлялись, будто догадываясь о своей участи.

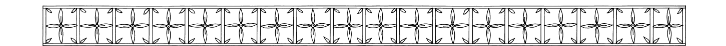
Прежде чем Эми что-либо поняла, бушующая масса подхватила ее и потащила за собой. Это было шествие по улице, примыкавшей к высоким стенам храма. Свет изливался на большой внутренний двор. Везде стояли гигантские

фигуры, высеченные из гранитных глыб. И столбы, и колонны — все было из гранита. При входе в храм застыли изваяния вздыбившихся лошадей, под передними копытами которых лежали поверженные фигуры людей и чудовищ. Стены слева и справа украшены изображениями демонов. А между высокими колоннами установлены будки, где торговали сладостями и фруктами с расписных подносов. На скамье стоял мужчина, который, крича и размахивая над головой трещоткой, предлагал свой товар. Потом Эми так стиснули в толпе, что она ничего не видела, кроме темного моря людей. Лишь иногда ей удавалось кое-что различить. Там были корзины, большие и маленькие, составленные одна в другую высокой горой или подвешенные к крышам палаток. Гирляндами висели яркие цепи и кольца. Тут же рядом сидел мужчина, окруженный глиняными кружками и вазами.

Шум становился невыносимым, даже земля, казалось, сотрясалась от звуков. Все вибрировало. К этому примешивались предсмертные вопли коз, которых во множестве резали на задворках храма.

Эми попыталась высвободиться из жуткого плена, но давка и толкотня усиливались. Из

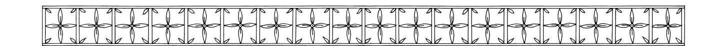
храма противоположным потоком двинулись уже получившие освящение. На их лбах виднелись знаки, начертанные золой.

Сердце Эми стучало, готовое выскочить из груди. Могла ли она осмелиться войти в храм? Не разорвут ли ее на куски, если признают в ней чужую? Но у нее не было выбора. Храм проглатывал всех, чтобы тотчас снова извергнуть.

В одном углу она увидела нагромождение старых идолов: каменные и деревянные фигуры без голов, бесформенные глиняные комья с облезшей краской, увядшие венки — все перемешалось.

Вот рельеф, высеченный из камня, который явно должен был представлять Вишну — творца. Камень из года в год натирался освященным маслом и блестел, как черное дерево. А рядом — изображения еще трех богов. Эми заметила, что ни одна из колонн не походила на другую. Гранитный свод храма был украшен затейливой резьбой. Чем дольше она разглядывала это разнообразие, тем больше росло ее смятение. Все кружилось вокруг нее каруселью.

Храм, похоже, состоял из трех помещений, соединенных между собой. Внутреннее, и самое

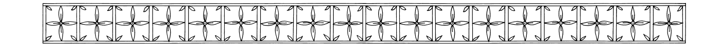
маленькое из них, было, по всей вероятности, святилищем. Оно не имело ни дверей, ни окон. Среднее служило хранилищем ритуальных предметов для праздников и процессий. Во внешнее помещение могли входить благочестивые посетители.

По какой-то только им понятной команде все присутствующие пали ниц, а Эми стояла, как живая колонна. Поверх согнутых спин она увидела ужасающую гримасу демона, пасть которого была широко раскрыта, будто он хотел всех поглотить.

И тут Эми представилась другая картина. Большая толпа благочестивых паломников... Они тоже устремляются в храм... Пестрые одежды и громкие крики... И в центре Человек... Тысячелетия ждали Его, и теперь, когда Он был среди них, Его не узнали. Эми словно видела, как Он стоит в зале и взывает к толпе: *«Кто жаждет, иди ко Мне и пей!»*[1] Но Его голос тонул в громких криках. Люди продолжали молиться, петь, продавать и покупать, а Он был оставлен и один нес Свой крест. Они смеялись, глумились, плевали Ему в лицо, били, а потом пригвоздили Его к кресту. Он же молился:

---

[1] Ин. 7:37.

«Отче, прости им, ибо не знают, что делают»[1].

Эми явственно ощутила Его боль. В глубоком отчаянии она прокричала над согбенными спинами: *«Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную!»*[2] Но слова были заглушены бушующими криками.

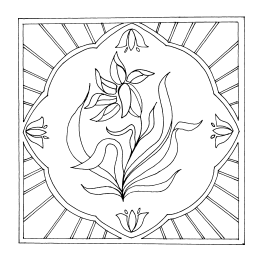
Потом молящиеся поднялись и начали протискиваться к выходу. На лбах были белые следы их бога. Эми вышла с толпой. Никто не обращал на нее внимания.

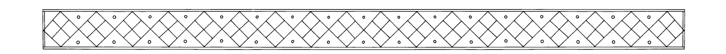
Она все еще держала в руках адрес. Найдя наконец нужный дом, Эми узнала, что ребенок уже продан в храм. Она опоздала.

---

[1] Лк. 23:34.

[2] Ин. 3:16.

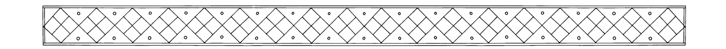

По следам ада

Эми пришла в гостиницу для паломников, уселась вблизи медной лампы прямо на глиняный пол и стала наблюдать за старым вязальщиком венков, который плел гирлянды для храма. В углу сидела старуха и беспрерывно жевала. Наконец, она выплюнула что-то на пол и подвинулась ближе к свету, с любопытством разглядывая Эми.

Эми попыталась завязать беседу, но старуха отвечала неохотно и односложно. Тогда Эми взяла Библию, собираясь почитать, но в этот момент вошел коренастый мужчина. Он явно был хорошо знаком со всеми. Эми украдкой рассматривала его. Что-то в облике незнакомца производило на нее отталкивающее впечатление: жирный, отвисающий живот, волосатая грудь. Лица Эми разглядеть не могла, так как мужчина стоял в тени. Но она почувствовала холод, который заставил ее содрогнуться. Несмотря на то что было жарко, ее начало знобить.

Старый вязальщик венков вдруг стал разговорчивым и вскочил на ноги. Эми и не подумала бы, что он может быть таким проворным.

— У меня есть еще, — сказал он, обращаясь к вошедшему. И с этими словами исчез, чтобы тотчас вернуться с несколькими связками ярких цветочных венков.

— Они будут к лицу маленькой невесте, — добавил старик и ухмыльнулся.

Мужчина без слов взял венки, бросил в тарелку несколько монет и ушел так же внезапно, как появился.

Старик сгреб деньги и сказал старой индианке:

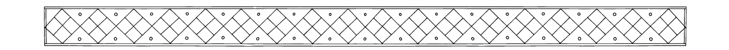
— Он знает толк в своем деле. Тебе надо было предложить ему еще.

— Он же не спросил, — ворчливо ответила старуха, — думаю, что и тем, из касты шанаров, тоже придется продать свою малышку.

— Он умер, ее муж?

— Вчера.

Эми насторожилась. Она много слышала о печальной участи вдов. Если умирал муж, в этом обвиняли жену — считалось, что за тяжкие грехи, совершенные женой в предшествующей жизни, боги мстили ее мужу. В наказание после смерти мужа с нее снимались укра-

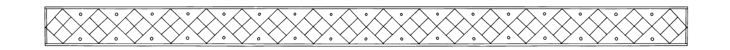

шения. И вместо цветного сари она облачалась в грубую белую одежду из льна. Часто ее даже остригали наголо. Ей запрещалось принимать участие в общественной жизни, она не смела выходить из внутренних закрытых помещений и должна была в горе доживать свои дни. Эти достойные сожаления вдовы часто были еще детьми — девяти или десяти лет. Их жизнь становилась существованием изгоев, всеми презираемых и ненавидимых. Если несчастная имела детей, то они нередко продавались в храм.

Как можно неприметнее следила Эми за беседой и потом, как бы между прочим, поинтересовалась, где живет эта вдова.

Барабанные удары и крики на улице постепенно затихали. Доносились только отдельные голоса, а вдалеке — глухие раскаты. Уставшие певцы и музыканты утихомирились.

Когда на следующее утро солнечные лучи осветили спящий двор, Эми уже встала, чтобы отправиться на розыски молодой вдовы. Она спустилась к реке, где группа индусов собралась вокруг мужчины, бьющего в барабан. В облике барабанщика проступала предельная усталость, волосы были всклокочены, но пальцы все еще размеренно и монотонно били по

натянутой коже инструмента, а голова вздрагивала в ритмичных движениях. При этом он издавал странные звуки.

— Бог говорит из него, — благоговейно прошептал один из мужчин.

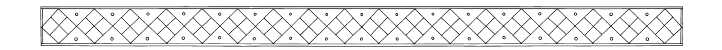
Эми пошла дальше. Отвратительная вонь ударила ей в нос: перед ней высилась гора окровавленных козьих голов, густо облепленных мухами. Тут же рылась собака. Эми брезгливо отвернулась. Под густой кроной какого-то дерева она остановилась. Точнее, это были два дерева, ветви которых сплелись. Кое-где сквозь листья пробивался солнечный луч и отражался в воде. Возможно, это было священное дерево, так как и здесь были расставлены изваяния — целый лес богов.

Глубокая печаль охватила Эми.

Из ближайшего дома доносилась громкая женская ругань, заглушающая жалобный плач ребенка. Почти инстинктивно Эми двинулась на эти звуки.

— Можно войти? — спросила она, но по недовольному взгляду поняла, что явилась нежеланным гостем. Она остановилась.

С потолка свисал мешок, в котором, как в качелях, лежал ребенок. Маленькие ручки были прижаты к лицу.

— Ребенок болен? — спросила Эми.

— У него что-то с глазами, — последовал ответ.

Эми уже несколько раз сталкивалась в Индии с этой болезнью и знала, как важна здесь своевременная медицинская помощь. Поэтому она попыталась уговорить женщину отправить ребенка в больницу.

— Нет, нет, это слишком далеко, — возражала та.

— Всего тридцать километров. Я сама могла бы отвезти его.

— Это невозможно, — твердо отвечала индианка.

— Но ребенку необходима помощь, — настаивала Эми.

— Я же сказала: нет. Если он попадет в больницу, это позор для всей касты.

— А если ребенок умрет?

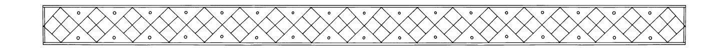
Женщина только пожала плечами.

— Каста все равно не допустит лечения.

Уговоры были бесполезны.

Когда ребенок снова застонал, женщина зашипела:

— Если ты сейчас же не замолчишь, я снова закапаю тебе капли в глаза.

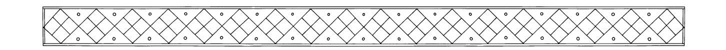

Эти «капли» были смесью квасцов с перцем. Ребенок плакал, но потише.

Окончательно убедившись в бесполезности своих попыток спасти малыша, Эми уже хотела отправиться дальше, но вдруг оторопела, кровь застыла у нее в жилах. Она увидела мужчину, которого встретила вчера в гостинице. За руку он держал пятилетнюю девочку в венке из пестрых цветов. Малышка взглянула на Эми и улыбнулась. После этого и девочка, и мужчина исчезли из поля ее зрения.

Эми, не раздумывая, последовала за ними. Свернув в маленькую боковую улочку, она шла прямо, пока не остановилась у вытянутого здания. Словно под гипнозом, она двинулась по длинному, темному коридору, едва освещенному беспокойным мерцанием маленькой керосиновой лампы.

Она приоткрыла дверь в большой внутренний двор, но тут дорогу ей преградила женщина. Эми тотчас узнала в ней служительницу храма. У нее было такое же зловещее выражение лица, как и у тех женщин, которые хотели забрать Преену. Холодные, колючие глаза на увядшем лице. Вероятно, раньше она была очень красивой. Возможно, в детстве ее тоже

продали в храм и там издевались, пока в душе не погибло все чистое и светлое.

Храмовые девочки — это старая традиция. Существовали храмы, в которых проживало несколько сотен девочек. Им не нужно было платить за свое содержание, и от налогов они были освобождены, но за это ублажали жрецов и паломников. Их танцы начинались ночью и продолжались до позднего вечера.

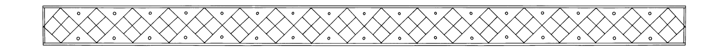
Все еще стоя перед служительницей, Эми вдруг услышала пение какого-то гимна, посвященного богу Шиве:

«Он танцевал и танцевал —
так Шива создал мир.
Он танцевал и танцевал —
танцуя, он разрушил мир...»

Эми и женщина одновременно обернулись в ту сторону, откуда доносилось это странное пение.

Появилась девочка лет десяти в белом свадебном одеянии. На шее сверкал золотой медальон. Раскинув руки, она закружилась в причудливом танце. Безумное выражение на нежном лице говорило о том, что она не в себе.

Как фурия, налетела женщина на девочку и погнала ее назад. Почти звериный крик — потом снова все стихло.

Эми увидела достаточно много, чтобы почувствовать всю безысходность положения детей в храме.

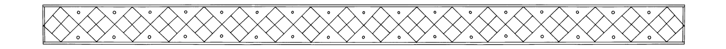
Чуть позже Эми оказалась перед мужчиной, который занимался запретным торгом. Полузверь, полудемон, сидел он в огромном кресле — гора мяса. Он смотрел на Эми глазами змеи, гипнотизирующей свою жертву. Оконные ставни были плотно закрыты, отвратительный запах курений затруднял дыхание. В углу полыхала желтым зловещим пламенем жаровня. У Эми было чувство, будто она видит самого сатану. Да, будто ад оскалил свои клыки.

Пораженная, она отвернулась и спустилась по крутой грязной лестнице.

Она слышала, что он великий садху, главный жрец одного из храмов в Бенаресе. Но теперь Эми знала, что не могла ожидать от него никакой помощи. Только Бог может указать ей путь в те дома, где надо спасать детей.

Она отыскала тихое тенистое место, чтобы уединиться в молитве. Проходил час за часом, а Эми пребывала в еще большей растерянности, чем раньше.

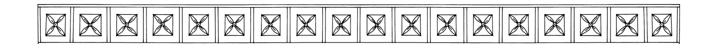
Но когда на следующий день Эми возвращалась домой, она несла за плечами младенца. Это

была девочка, слишком слабая, чтобы посвятить ее храму, поэтому отец хотел убить малышку: лишнего едока он не мог прокормить. И как раз в этот момент пришла Эми.

— Я с таким же успехом могу отдать ее и тебе, — сказал отец.

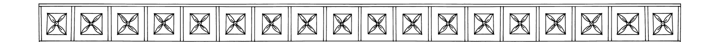

В Донавуре

Всего в нескольких километрах от Паламкотты и Тинневелли находилась деревня Донавур. Около ста лет назад она была основана немецким графом Дона, который приказал построить здесь маленькую церквушку. В этой деревне в преобладающем большинстве жили христиане, относящиеся к касте пальмолазов. Голый, сожженный солнцем участок земли, беспорядочно разбросанные хижины и маленькие дома. И среди всего этого — выбеленная церковь, возвышающаяся над домами. Неподалеку от нее стояло старое полуразвалившееся летнее строение из глины. В трех комнатах места было немного, едва ли больше, чем в Паннаивилаи. Но крытая веранда была достаточно велика, чтобы вместить всех.

Когда Эми обходила близлежащие дома, солнце, будто на прощание, позолотило вершину высокой горы, которая, как страж, стояла над деревней. И ей пришли на память слова: *«Возвожу очи мои к горам, откуда придет*

помощь моя. Помощь моя от Господа, сотворившего небо и землю»[1].

Валькер взял на себя задачу обучать в миссионерской школе Донавура молодых студентов-богословов.

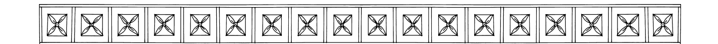
А Эми и Поннамал всецело посвятили себя растущей семье. Все чаще им приносили детей, и среди них немало было таких, которые нуждались в особом уходе. А если они случайно слышали о ребенке, которого собирались продать в храм, девушки шли его искать. Получалось, что одна из них постоянно была в пути.

24 декабря в маленькой деревне христиане готовились к Рождественскому празднику.

Эми сидела у постели маленькой Тары. Малышка все слабела. Ей нужна была кормилица. Эми знала среди христиан несколько молодых матерей, которые вполне могли бы кормить и второго ребенка. Она бережно взяла маленький сверток в руки и отправилась в деревню.

Церковь была ярко освещена. Женщины подносили пальмовые ветки и цветные полоски бумаги, чтобы украсить все как можно праздничнее. Эми протянула им ребенка и попросила о помощи, но встретила лишь непонимающие взгляды. Здесь не привыкли поднимать су-

[1] Пс. 120:1,2.

матоху из-за маленькой девочки. Ни одна из них не проявила готовность помочь ребенку. Украшение церкви казалось им делом куда более важным. Разочарованная и унылая возвратилась Эми домой. В ту же ночь ребенок умер.

Печально покачиваясь, проезжала на следующее утро по деревне воловья повозка со скорбным грузом. Только Эми и Поннамал сопровождали ее, поддерживая маленький гроб. Слезы безудержно катились по лицу Эми.

— Почему, Господи?

Поннамал обняла ее за плечи:

— Иисус сказал: *«Что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после»*[1].

Они подъехали к открытому полю. Ребенка похоронили.

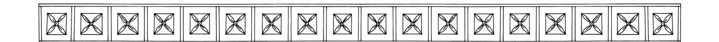
— Бог благ, — сказала Поннамал. Но Эми продолжала плакать.

Вернувшись, Эми собрала детские вещички. Она стояла в полумраке с маленькими белыми рубашечками в руках, и ей показалось, будто Божье присутствие наполняет все вокруг. В памяти всплыли слова: *«...плененные сильным будут отняты, и добыча тирана будет избавлена... и сыновей твоих Я спасу»*[2].

---

[1] Ин. 13:7.

[2] Ис. 49:25.

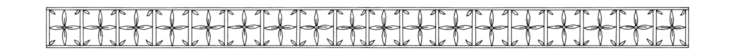

Эми решила каждый месяц молиться в этот день за всех детей Индии, нуждающихся в защите.

Все чаще им приносили больных девочек, которые были так слабы, что даже женщины из храмов не протягивали к ним свои хищные руки. Нередко это были малыши, мамы которых и сами были еще детьми.

Все они были ослаблены и нуждались в лечении и дополнительном уходе. В полутора днях пути от Донавура находилось маленькое местечко Нейоор. Там была миссионерская больница. Хотя у врачей и медсестер работы было более чем достаточно, они сразу согласились открыть в лечебнице приют для больных и слабых детей. И вскоре Поннамал с пятнадцатью питомцами переехала в Нейоор.

Я видела Его

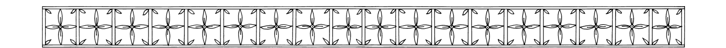
Собрание продолжалось второй час. В маленьком помещении было тесно, но индианки в цветастых сари, казалось, даже не ощущали жары, так внимательно они слушали.

Эти женщины уже несколько раз приходили сюда, и Эми рассказывала им об Иисусе. Но сегодня они услышали это будто в первый раз.

Вдруг Арулай встала, подошла к Эми и начала стягивать свои цепи и кольца. Воцарилась тишина. Эми не знала, как на это реагировать. Она даже не думала об украшениях. Она говорила только о любви Божьей и о том, как Он пережил унижение. И вот Арулай стояла перед ней.

— Я видела Его, — тихо сказала она. — На Нем был терновый венок. Его руки и ноги не были украшены кольцами, они были пробиты гвоздями.

Арулай прошептала эти слова едва слышно. Но ее поняли все. И вдруг словно ветер прошел по рядам. Одна за другой женщины подходили

к Эми, чтобы отдать свои серьги, браслеты, кольца.

Это событие вызвало в окрестных деревнях волну возмущения. Украшение женщины было «товарным знаком» дома. Когда отец Арулай узнал о случившемся, он через гонца предупредил, что хочет увидеться с дочерью. И если он обнаружит, что на ней нет украшений, он заставит ее вернуться домой и выйти замуж за индуса.

Наступила ночь. Эми и Арулай лежали рядом в повозке и прислушивались к скрипу больших деревянных колес. Временами кучер что-то бурчал. Потом опять все стихало.

— Эмма, отец может заставить меня уехать? — тревожно спрашивала Арулай.

Эми молчала. Секунды казались часами.

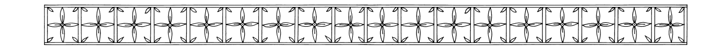
— Бог защитит тебя, Арулай. Он сильный.

Они снова замолчали.

— Я боюсь, Эмма. А Он тоже боялся перед тем, как идти на крест?

— Да, Арулай, ведь Он был Человеком и испытывал страдания так же, как и мы.

Через несколько метров дорога сворачивала к следующему селу. На этой развилке отец Арулай должен был их встретить. Девочка ис-

пуганно бросила взгляд на улицу и крепко прижалась к Эми.

— Вдруг мы никогда больше не увидимся...

Из темноты выступила фигура и подошла к повозке. Колеса, скрипнув, остановились, и темный силуэт, наклонившись поближе, произнес:

— Твой отец не смог прийти, поэтому он послал меня.

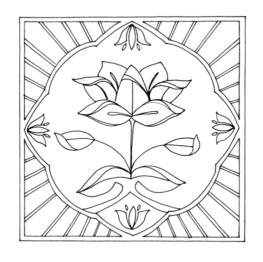
Это был дедушка. Арулай приподнялась, достала узелок с драгоценностями и попросила:

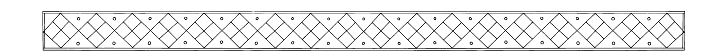
— Отдай это моему отцу.

Дедушка взял узелок и ушел.

Повозка дернулась и покатила дальше. Через некоторое время Арулай сказала:

— Эмма, Бог очень сильный.

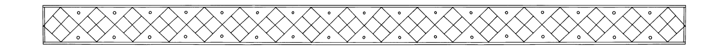
Под дождем

Возвращаясь из поездок, Эми стала замечать, что подрастающая Арулай становится для нее настоящей поддержкой. Она полюбила ее, как собственную дочь. Эми все чаще решалась брать ее с собой. Так было и в этот день.

Арулай сидела впереди Эми, обхватив шею лошади. Для нее не было большего удовольствия, чем вместе с Эми ехать верхом вдоль полей. Воздух раскалился от зноя, но Эми и Арулай не замечали этого — они были счастливы.

Уже два часа они двигались по иссохшей дороге. Эми высматривала место, где можно передохнуть. Вдали она увидела стройные пальмы с пышными, слегка колышущимися кронами. Ей даже показалось, будто она чувствует слабый ветерок. Но солнце еще нещадно палило.

— Эмма, смотри-ка! — Арулай указала на рисовое поле, на котором танцевала птица. — Если птицы расправляют крылья и танцуют на земле, значит, скоро пойдет дождь.

— Но я не вижу никаких облаков. Дождя не будет.

Лошадь бежала ровной рысью.

— Как ты думаешь, это хорошо, если у Иисуса есть место, где Он любит бывать?

— Да, милая, это хорошо.

— Я хотела бы быть таким местечком, где Он мог бы отдыхать.

— Мы создадим Ему такое место, ты и я. Место, где любят друг друга. Место, где Иисус чувствовал бы Себя, как дома...

— И нашел бы немного прохладной тени.

И снова легкий стук копыт.

— Так много еще людей, которые Его не знают.

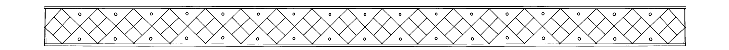
— И у них только одна возможность узнать Его: глядя на нас.

Как будто по тайной команде, по небу поползли темные большие облака и окутали гору. Юго-восточный ветер сгонял их в огромные тучи. Эми пришпорила лошадь.

— Ты была права, — прокричала она против ветра. — Нам нужно торопиться!

Упали первые тяжелые капли. Сначала редкие, потом все чаще. И внезапно на землю обрушились потоки воды.

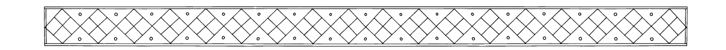
Теперь небо полностью затянуло черным покрывалом. Вспыхивали молнии, гром грохотал,

заставляя землю вздрагивать. Нигде никакого убежища. Вода заполнила все ямы. Лужи стали ручьями. Казалось, все громыхало и бушевало. Лошадь испуганно остановилась, потом вдруг помчалась, охваченная паникой. Эми и Арулай в отчаянии держались изо всех сил. Волосы и одежда, пропитанные водой, прилипли к телу.

Ветер усиливался, а до деревни было еще минут десять езды. По пути им повстречалась воловья повозка, увязшая в раскисшем грунте. Несколько человек пытались вытянуть ее из этого месива.

Когда Эми и Арулай наконец достигли деревни, единственная улица, ведущая к храму, превратилась в бурный поток, уносящий с собой все, что попадалось на пути. Большие куски жести танцевали на волнах, доски и разбитые горшки, даже фигура идола с изуродованным лицом показалась на поверхности и тотчас снова ушла под воду. В одно мгновение вся деревня была затоплена. С ближайшей горы неслись водяные массы, отчего поток поднимался и бушевал еще сильнее. Он терзал маленькие хижины, ломая стены и унося все, что только можно было подхватить. Как острова, возвышались соломенные крыши над пенящейся поверхностью. Лошадь инстинктивно искала возвышенное место. Туда же устремилось все жи-

вое. Ливень застал жителей врасплох, и они пытались спасти все что возможно.

Гром постепенно стихал и наконец смолк. Дождь перестал. Небо будто затаило дыхание. Доносилось только клокотание воды, пробивающей себе дорогу. Солнце снова прорвалось сквозь серую пелену и послало на землю свои жгучие лучи. Ветер быстро стер с неба последние облака, и они испарились, как призрак.

Эми повидала уже немало ливней. В апреле и мае дождь шел, как правило, почти беспрерывно день и ночь, это было время муссона[1]. Но на этот раз она не была к нему готова.

Эми и Арулай промокли до нитки. Они спрыгнули с лошади и пошлепали по размякшей земле. Потом взглянули друг на друга и рассмеялись.

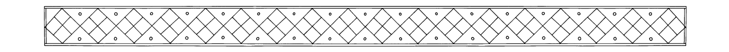
— Нам нужно залезть на ту пальму, чтобы обсушиться, — предложила Арулай.

Они остановились у скалистой возвышенности и привязали лошадь к гладкому стволу кокосовой пальмы. Эми надеялась найти здесь сухое местечко, может быть, пещеру у подножия скалы.

В скале было высечено множество ступеней. Эми и Арулай осторожно поднимались по мок-

---

[1] Муссон — устойчивый сезонный ветер в тропических зонах Земли.

рым и скользким каменным ступеням, пока не добрались до большого озера. Поверхность озера была покрыта водяными лилиями дивной красоты. Солнце отражалось в потревоженной ливнем воде, все было чистым и сияло.

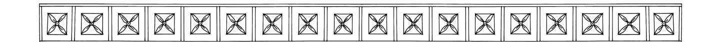
Эми не могла отвести глаз от чудесного вида серой скалы, коричневой воды, темно-зеленых листьев и нежно-розовых лилий. И сверху ясное голубое небо. Эми всем своим существом впитывала эту дивную красоту. Она совсем забыла, что вода все еще капала с ее волос и платья. Картина омытой ливнем земли полностью захватила ее.

Вдруг вдали, за деревьями, она заметила красные и белые полосы — храм.

— Это озеро принадлежит храму, Арулай. И эти чудные цветы тоже.

И ее мысли полетели дальше, к детям, заточенным в этом храме, — нежным бутонам и цветам, приговоренным к преждевременному увяданию...

Треазура

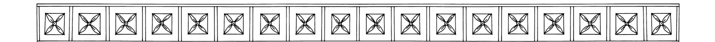
Мужчины только что вернулись с поля. Волы, меланхолично глядя перед собой, жевали сено. На утоптанном глиняном дворе баловались дети. Заходящее солнце окрасило неровную глиняную стену и заиграло в листьях низко склонившейся кокосовой пальмы. Там сновали птицы, их маленькие крылья блестели, как золото. Однако эта мирная картина была обманчивой.

В Донавуре разразилась холера и ползла от одной хижины к другой. У Эми едва хватало времени проглотить свой обед. Она спешила из дома в дом, помогая больным, потом быстро меняла одежду, чтобы успеть к своим детям...

Склонившись над ложем молодой вдовы, Эми озабоченно смотрела на худое лицо индианки. Женщина приподнялась и прошептала:

— Ты позаботишься о моем ребенке? Ты обещаешь мне? Я хочу посвятить его твоему Богу, а не храму.

Но Эми знала, что одного желания умирающей матери недостаточно. Здесь были еще и

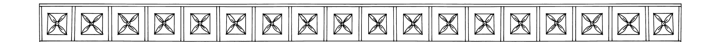
другие, обладающие правом старшинства. Эми готовилась принять вызов.

Вот донеслись монотонные барабанные удары. Сейчас раздадутся крики поклоняющихся, так как был вечер пятницы. Ночи с пятницы на субботу и со вторника на среду всегда посвящались демонам.

Наконец, холера отбушевала. Как утро наступает после ночи, так маленькая донавурская община переживала новое пробуждение. Все испытали глубокое облегчение и одновременно большую радость. Шесть индианок решились сбросить оковы касты и изъявили желание принять крещение.

И вот маленькая группа христиан стояла на берегу озера вокруг приготовившихся к крещению. Ясное небо отражалось в светящейся воде, чистый воздух струился с гор, на пальмах распевали хоры птиц. Казалось, вся природа хотела воздать хвалу Господу.

Не было лишь Треазуры. Никто не знал, куда она исчезла. Девушка посещала миссионерскую школу, но до сих пор не могла стать христианкой, так как еще не достигла установленного законом возраста. О каждом крещении должны были уведомляться органы власти, ни-

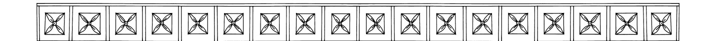
кому младше шестнадцати лет не разрешалось его принимать. Треазуре уже исполнилось шестнадцать, но ее родители подделали документ, чтобы воспрепятствовать крещению.

Во многих деревнях рождение ребенка официально не регистрировалось. Единственным документом являлся написанный на пальмовом листе гороскоп, который можно было изменить. Итак, Треазуре пришлось ждать. Но вот, наконец, настал день, когда она заявила о своем желании принять крещение.

Заметив ее отсутствие, Эми забеспокоилась. Она побежала к дому, в котором жила девушка. Прошел час, другой...

Наконец пришла Треазура. Но как она изменилась! Лишь на мгновение в ее глазах вспыхнуло просветление. И снова пустая, отрешенная улыбка.

Когда родители узнали, что дочь уклоняется от участия в языческих церемониях, они за волосы вытащили ее из дома и били ремнем, пока она не упала без чувств. Потом ей пригрозили, что разрежут на куски и выбросят в колодец. Но Треазура и после этого не сдалась. Тогда родители нашли ей жениха, который, называя себя христианином, на самом деле презирал их. Девушка поняла коварные замыслы и отказа-

лась выйти замуж за этого человека. За день до крещения родители заперли ее и дали снадобье, от которого она навсегда лишилась рассудка.

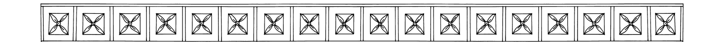
У Эми было чувство, будто все вокруг нее кружится. Пошатываясь, она вышла на улицу и прислонилась к стене.

Со стороны храма донесся громкий крик. Словно магическая сила притягивала туда людей. Дома один за другим пустели: женщины, мужчины и дети поднимались и шли, будто храм засасывал их в себя с огромной силой.

Эми все еще стояла в оцепенении. Выступ крыши давал лишь узкую тень.

«Что Ты хочешь, Господи? — спрашивала она. — Я не понимаю всего этого. Это слишком страшно. Что мне делать?»

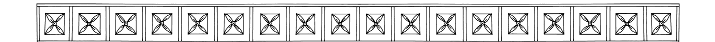
Крики приближались. И вот коричневая людская масса проплыла мимо нее. Танцующими темными волнами двигался этот человеческий клубок по улицам, временами полностью окутанный пылью. Над головами возвышалась широкая спина слона, возглавлявшего процессию, а рядом с ним — высокий балдахин «повозки богов». Ее темные струганые площадки были украшены цветными вымпелами, а на каркасе болтались цветная мишура и поник-

шие цветочные венки. Из искусно сделанного посеребренного домика скалился идол.

Вот высокая башня покачнулась, потом остановилась. Большие деревянные колеса — диаметром больше двух метров — застряли в грязи и больше не двигались. Вопли стали неистовыми. Люди кричали, требовали шесты. Вокруг была давка и толкотня. Крики людей перекрывали рычащие приказы полицейских, которые пытались разогнать толпу пальмовыми палками. Сиял ослепительно белый свет. И белая пыль забивалась в нос и рот. Из боковой улицы подтащили стволы молодых пальм, и несколько человек, подхватив их, подсунули под колеса. Усилие — и колеса поддались, кряхтя и скрипя. Окутанная облаком пыли, роскошная повозка продвигалась сантиметр за сантиметром, сопровождаемая кричащей толпой. На повозке перед алтарем сидел маленький мальчик с гирляндой из розовых цветов на голых плечах. А следом бежали дети с корзинами для сбора пожертвований.

Эми прижалась к воротам, пропуская процессию. Во дворе за воротами она увидела девочку, занятую обмолотом риса. Сначала Эми смотрела на ее маленькие проворные ручки, но когда увидела мертвенно-усталое выражение

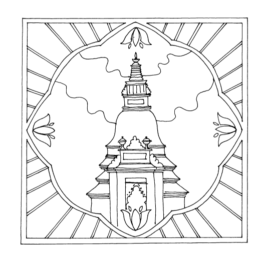
на красивом детском личике, то пришла в ужас. По двору проковылял старик-калека, тяжело опирающийся на палку. Он кашлял и задыхался, явно страдая астмой. Когда малышка увидела старика, она тотчас подбежала и в знак повиновения прикоснулась к «брачному символу», который носила на шее. Так Эми поняла, что этот мерзкий старик был мужем девочки.

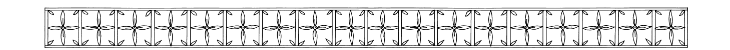
Маленькие существа продавались, как товар, тем, кто больше всех платил.

— Ну, поторопись, — закричал старик и прогнал девочку, чтобы она присоединилась к процессии.

Эми еще долго смотрела вслед ребенку, пока этот маленький бутон не был поглощен пыльным облаком.

«Крещение!» — вспомнила она с ужасом. Как долго они уже ждут!

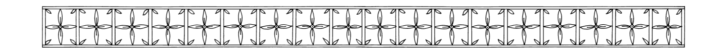

Число и много нулей

Сатана снова нацелился нанести уничтожающий удар. Эми заболела. Нагрузка прошедших недель оказалась непосильной. Ее отправили в Ооту, маленькое местечко в горах, где она уже не раз находила убежище от жары. Двенадцать детей сопровождали ее. Остальные остались у Зелламутту в Донавуре или были отправлены к Поннамал в Нейоор.

Ранним утром, когда Эми лежала на веранде и дремала, пришел посыльный и принес ей письмо из Нейоора. Поннамал сумбурно описывала события последних дней. Это явно было второе письмо, написанное ею, потому что она писала так, будто Эми была уже в курсе того, что там произошло. В детском приюте разразилась дизентерия. Дети умирали один за другим. Поннамал похоронила уже десятого ребенка. Получив это известие, Эми тотчас хотела отправиться на помощь, но засомневалась. Может быть, Поннамал права, что важнее, как

Моисей на горе[1], заступиться пред Богом за этих маленьких детей?

Эми попыталась молиться. Но небо было будто отгорожено стеной. Она чувствовала себя одинокой. Давящее уныние объяло ее. Прежние мысли, давно не посещавшие ее, вновь возникли в голове. Наверное, она сделала ошибку, приехав сюда. Вот она лежит здесь и ничего не может сделать. К жаре ее организм просто не мог привыкнуть. Все рушится на глазах — столько разочарований. Подняв глаза, она увидела возле себя одну из своих подруг. Эми ждала сочувствия, но подруга неожиданно произнесла:

— Я с самого начала думала, что ты не годишься для этой работы. Ты слишком много на себя взяла. Пришло время подыскать более приспособленную руководительницу.

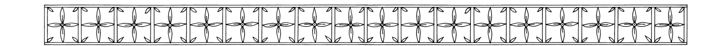
Эти слова ранили Эми, как удары плетью.

Подруга, словно желая насладиться своей прямотой, ожидала ответа. Но Эми молчала. Тогда подруга продолжила:

— Индия великовата для тебя — не по твоим меркам. Но не переживай. Не ты первая, кто вынужден отступить. Лучше сейчас, чем потом.

---

[1] См. Исх. 17: 10–12.

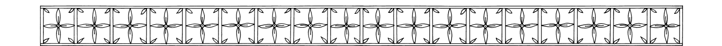
Она уговаривала Эми и за многое упрекала ее. Эми будто издалека слышала ее голос. «Хоть бы она поскорее ушла», — думала она. Но та осталась, с холодной улыбкой глядя сверху вниз на Эми, наверное, ожидая ответа.

Наверху трепетали темные кроны деревьев, а вдалеке слышался глухой рев водопада. Сырой, пронизывающий туман проникал во все щели. Вдруг пробилось солнце. Ветер пронесся сквозь листья и прорвал туман. Темные верхушки теперь были, как из прозрачного изумруда. Даже вода приобрела другой оттенок.

— Я — нуль, — сказала Эми, — я это хорошо знаю. Я никогда и не думала, что чего-то достигну. Я — нуль, а Он, Он — число.

Вечером она еще раз вспомнила события дня и поняла, что уныние, слуга сатаны, внушило ей темные мысли, чтобы те пускали корни, становились чувствами и, наконец, приводили к действиям. Но Эми сама хотела господствовать над своим поработителем!

В ее памяти всплыл образ одного ремесленника, золотых дел мастера. Однажды она стояла со своими детьми и наблюдала, как он раздувал огонь. «Он не слишком жаркий?» — спросил один ребенок. «Сейчас он такой, как

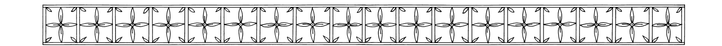
надо», — объяснил мастер. «А когда золото будет готово?» — поинтересовался другой ребенок. «Когда в жидком золоте будет отражаться мое лицо, тогда оно очищено».

С обеих сторон мирным сном спали дети. Что стало бы с ними, если некому было бы их спасти?

«Лишь бы только Твой образ смог отразиться во мне, тогда все будет хорошо», — молилась Эми.

Потом она вытащила из-под подушки свой дневник, пристроила его так, чтобы яркий лунный свет падал на бумагу, и записала:

«Сатана пытается опутать нас безнадежным унынием и разочарованием. Если это удалось, он доволен, потому что мы заняты только собой: как раз тем, чего он хочет. В тяжелые времена главное наше искушение — кружить мыслями вокруг самих себя, вокруг нашей непригодности, наших падений, нашей ничтожности. Но нам не стать ниже, чем мы есть. Находясь внизу, не нужно бояться падения. Я хочу перевести мысли от себя самой на моего Небесного Отца, Который меня любит и не перестает любить, хоть я и бесполезная, ненадежная и ничтожнее, чем само ничто. Если мы готовы быть

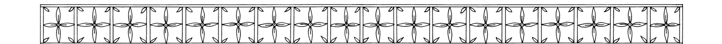

ничем, то не существует такого, что бы Он не смог через нас сделать. Ибо кто в глазах мира кажется безумным, того избрал Бог...»

В то время как Эми поверяла дневнику свои мысли, Арулай наблюдала за ней. Вот она выбралась из-под своего одеяла и подкралась к Эми.

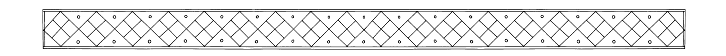
— Ты помнишь, когда я тебя в первый раз увидела? У деревенского колодца. Я уже хотела уйти, потому что мне было очень грустно. Мне хотелось стать другой. И вот я давно живу у тебя, но мне кажется, что все осталось, как прежде.

— Арулай, это хорошо, если мы хотим измениться. Но ведь совсем не так важно самим видеть эту перемену. Намного важнее, чтобы ее заметили другие. Один старик дал однажды мудрый совет. Он быстро приходил в ярость и не мог с собой совладать, а потом сожалел об этом. Как только он замечал, что раздражение закипает в нем, он молился: «Твоя любовь, Иисус, Твое терпение». Попробуй так же — это не сразу получится. Но каждый раз, когда зло поднимется в сердце, обращайся к Нему за помощью. Если это ложь, говори: Твоя праведность, Иисус; если недоброжелательность:

Твоя доброта. При самолюбии: Твое самоотречение; при злобе: Твой мир, Твое прощение. Это так просто. Ты только попробуй в течение дня, недели, месяца. Твоя любовь, Господь, Твоя любовь. Не мы важны, Арулай, мы — нули. Но Он, Он — число.

Иди вперед!

На следующее утро Эми разбудили веселые крики детей. Они собрались в поход, и Эми обещала пойти с ними.

Облака на небе выглядели, как белые хлопья пены. Взгляд Эми скользнул по долине. Далеко на горизонте к небу поднималась тонкая нить дыма, которая, расплываясь грязно-серым облаком, затягивала ясную синь. Кремация. Но крик причитающих женщин сюда не долетал.

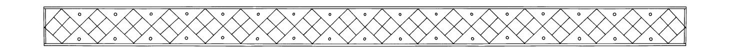
Мысли Эми были в Нейооре, потом обратились ко всем детям, страдающим в мрачных темницах храмов.

— Эмма!

Счастливые возгласы детворы вернули ее к действительности. Они сорвали с дерева лист и, показав его Эми, вместе рассматривали зеленое чудо. Так много можно было увидеть в нем и многому научиться. И снова:

— Эмма!

Теперь дети обнаружили озеро. С радостными криками, скользя и спотыкаясь, они побе-

жали вниз по откосу. Эми осторожно пошла следом. Она чувствовала себя еще очень слабой и, наблюдая за ними, прислонилась к скале.

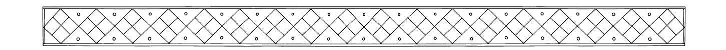
Вода блестела, как множество драгоценных камней. Все озеро светилось. Даже дно было видно. Глубоко внизу растрепанные, размякшие листья, некоторые еще нежно окрашены в розовый или желтый цвет, другие уже потемнели, как тени. Папоротники на берегу, маленький цветок, мох и деревья — они все питались тем, что давали разлагающиеся листья. Их смерть содержала в себе силу жизни.

Бессознательно, как ребенок, Эми бросила в озеро горсть листьев. Они закружились, подобно светящимся сказочным корабликам. Иногда можно было услышать нежный, шуршащий звук, как тихий шепот.

«Господь, дай мне, как этим листьям, быть пищей для других, — молилась она. — Возьми мои руки, мои ноги, меня всю. Что мне делать?»

И вдруг она будто услышала голос: «Иди вперед и не бойся!»

Наверное, это означало, что следует расширить свое дело, чтобы принять еще больше детей. Но она не могла оплатить аренду земли и купить кирпичи для дома — не было денег. Зато

у нее был щедрый Небесный Отец, Который Сам заботился о нужных средствах.

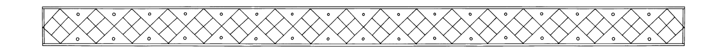
Вместе с Арулай она молилась, прося необходимое. Она не хотела брать в долг или писать прошения, как это принято в других миссиях. Зависеть только от Бога, а не от людей — вот основа их служения. Хотелось поскорее увидеть, как Бог невозможное сделает возможным. И они с нетерпением ждали...

Было воскресенье. Эми с детьми вернулась в Донавур. В детском доме плакали грудные дети, требуя еды. Крики становились все настойчивее. В бунгало лежало несколько больных детей. Им нужен был уход. На улице поставили большую палатку, где могли жить дети постарше. А грудники были везде: и в доме, и на веранде, и в тени банана.

Только что из утомительной поездки вернулась Зелламутту. Ее сияющее лицо говорило о том, что поездка была не напрасной. Торжествуя, она подняла на вытянутых руках еще одного ребенка. Большие удивленные глаза малышки скользили по незнакомым лицам.

— Мне кажется, ее нужно срочно искупать, — установила Арулай.

С веранды детский голос позвал: «Эмма». И одновременно из кухни: «Эмма!»

Эми не знала, куда ей сначала бросаться.

К счастью, из Америки прибыла помощница. Эми была рада, что могла поручить ей кухню. Помощница стояла у печи, собираясь разлить молоко в маленькие бутылочки. В это время зазвонил колокол деревенской церкви. Американка поставила наполовину налитую бутылочку на стол и сказала:

— Мне нужно идти.

— Но дети же голодны, — воскликнула Эми с досадой. — Они не могут ждать.

— Ты же знаешь, я хочу стать евангелисткой, — последовал ответ.

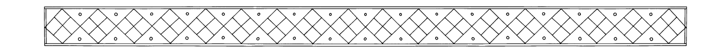
— Бог создал тебя не только для разговоров и проповедей, Он дал тебе и руки, — Эми чувствовала, как в ней закипает гнев.

— Я призвана к чему-то высшему.

— К высшему? Разве есть еще что-то более высокое? Знаешь, что делал Иисус? Он подвязывался фартуком и мыл ноги Своим ученикам. Не проповедь делает нас миссионерами.

Но женщина больше не слушала. Она перешагнула через кричащих детей, чтобы не опоздать на богослужение.

Когда Эми вошла с бутылочками в комнату, Арулай уже держала самого большого крикуна на руках. Эми подошла к ней.

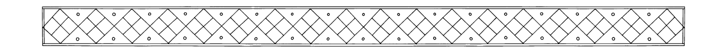
— Мне кажется, мы только что получили хороший урок. Не рвение важно, а послушание. Мы будем молиться, чтобы укрепилось усердие тех, кто еще не прочувствовал призвания к этому труду, угодному Богу. Крест ведь не безделушка, которую можно повесить на шею, чтобы возвысить значимость собственного я. Он, скорее всего, ставит нас перед вопросом: готов ли ты ко всему — к любому страданию, любой несправедливости, любому позору, любому неудобству. Бог не хочет от нас чего-то одного — Он хочет нас целиком.

— Эмма, — сказала Арулай испуганно. — Чуть не забыла. Когда ты была на кухне, почтальон принес письмо. — Арулай отдала Эми запечатанный конверт.

Эми открыла конверт, из него выпала записка: «Для нового детского дома». А в конверте лежала стофунтовая банкнота.

Вскоре после этого прибыла Мабел Ваде, профессиональная медсестра из Йоркшира. Теперь можно было строить новый детский дом, и наконец дети из Нейоора смогут вернуться обратно в Донавур. И не только дети, но и Поннамал. Как недоставало Эми этой подруги!

И Мабел Ваде была не единственной. Несколько молодых индианок также изъявили

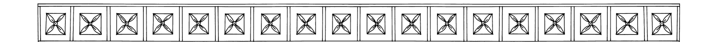

желание помогать в Донавуре. Они не хотели жить только для себя и готовы были отдать свою жизнь в распоряжение Бога. Их труд оплачивался не деньгами, но радостью исполнения воли Божьей. Они называли себя «сестрами будней», так как жили будничной жизнью, но с Богом. И их молитвой было:

«Научи нас, Господь, верней Тебе служить;
отдавать, не подсчитывая издержек;
бороться, не взирая на раны;
трудиться, не ища покоя;
работать, не ожидая никакой награды,
кроме одной: знать, что мы исполняем
волю Твою, о Господь, Бог наш».

Особой радостью для Эми стало решение ее матери приехать в Индию, чтобы помогать в Донавуре. Она стала для детей настоящей бабушкой.

Муттамал

— Ее отец умер, — сказала индианка, — она у него была одна. Поэтому ей принадлежит вся земля. Отец оставил ей землю в наследство. И, конечно, мать и родственники хотят теперь хорошего мужа для девочки. Они уже кого-то нашли. Но Муттамал не желает. Она настаивает на том, чтобы ее приняли сюда.

Эми посмотрела на девочку, которая стояла в испуганном ожидании: большие темные глаза на узком лице, маленькое худое тело — она производила впечатление девятилетней, хотя ей было двенадцать или даже тринадцать.

— Ты выглядишь усталой, Муттамал. Вы, наверное, уже давно в пути?

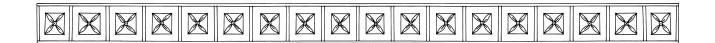
Муттамал кивнула.

— Посмотрим, что я смогу для тебя сделать. Ты знаешь, это будет непросто.

Тут Муттамал ухватилась за Эми и сказала:

— Обещай мне, что не отправишь меня обратно. Пожалуйста, обещай мне!

Когда Эми заколебалась, девочка сказала:

— Говорят, ваш Бог слышит молитвы. Я всего лишь девочка, но, как ты думаешь, Он услышал бы молитву обычной девочки?

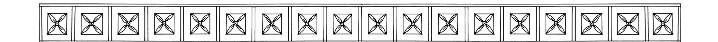
В этот миг забежала Преена. Увидев Муттамал, она остановилась, как вкопанная. Прошло еще совсем немного времени с тех пор, когда она точно так же стояла перед этой дверью. Она вопросительно взглянула сначала на индианку, потом на Эми и, наконец, снова на Муттамал:

— Пойдешь со мной? Мы будем спать рядом. А пока я тебе все покажу!

Муттамал разрешили остаться. Но уже на другой день мать девочки стояла у двери, требуя вернуть ребенка. У родственников были другие планы относительно Муттамал. Дядя стал ее опекуном и надеялся извлечь из этого выгоду. А мать вынужденно согласилась: ведь она была всего лишь вдовой.

Произошла душераздирающая сцена, когда явился дядя и силой вырвал ребенка из рук Эми. Еще долго звучал в ее ушах отчаянный крик девочки.

Эми ушла в дом. Она молилась в одиночестве. Человеческими силами победить в этой борьбе было невозможно. Ночью ее преследовал плач ребенка. А она ничего не могла поде-

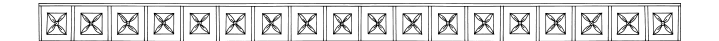
лать. Ей оставалось только в бессилии стоять и смотреть, с какой жестокостью уводили беззащитное существо. Разве Муттамал не рассчитывала в Донавуре на безопасность? Но Эми не могла ее отстоять.

Вскоре Эми узнала, что дядя спрятал девочку. Вмешалась полиция. Между родственниками начались ссоры, поскольку они тоже хотели нажиться на Муттамал. Наконец, все должен был решить суд.

Эми целыми днями бегала от одного адвоката к другому. Но везде получала однозначный ответ: невозможно. Кто-то дал ей адрес адвоката-индийца, который был христианином. С новыми надеждами Эми отправилась в путь.

После многих усилий адвокату удалось достичь того, что обе стороны подписали документ и опекуны девочки согласились отдать ребенка Эми с условием, что будут выполняться предписания касты и Муттамал до совершеннолетия не сменит религию.

Эми облегченно вздохнула, и Муттамал вернулась в Донавур. Но над ней все еще словно висела темная туча. И действительно, вскоре дядя подверг это решение обжалованию. Судебный процесс был назначен на 19 декабря. Дядя проиграл. Потом на обжалование подала

мать. Тяжба была изнурительной. Эми старалась по возможности уберечь Муттамал от лишних переживаний. Но всякий раз, встречая Эми, девочка пыталась читать по ее лицу свою судьбу. Она стала заложницей своекорыстия родных. Лишь иногда, забывшись, Муттамал увлекалась веселыми играми детей. А потом словно тень набегала на ее лицо и гнала прочь радость.

Борьба длилась уже два года. Наступило 31 января, день вынесения окончательного приговора.

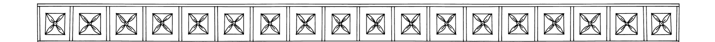
Эми всю ночь провела в молитве. Теперь она лежала возле Муттамал на веранде. До заседания оставалось несколько часов. С улицы Эми услышала знакомый стук больших деревянных колес. Подъехала повозка и остановилась, ожидая ее.

— Муттамал, обещай мне, что бы ни произошло, ты никогда не усомнишься в Боге.

Муттамал еще раз прижалась к Эми и всхлипывая сказала:

— Я обещаю.

Повозка медленно приближалась к городу. С обеих сторон дороги склонялись пальмы. Вдалеке, как огромная каменная туча, закрыва-

ющая солнце, возвышался храм. Гигантское строение. Покосившиеся от ветра, крытые соломой, хижины будто склонялись перед ним.

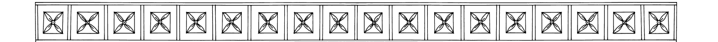
Налетел ветер, подхватил песок из-под колес и подбросил вверх. У большого каменного дома повозка остановилась. Через несколько минут Эми сидела напротив дяди Муттамал.

Эми знобило. Маленькие колючие глаза индийца излучали холод, от которого ее бросало в дрожь. «Этого не должно быть, — без конца повторяла она про себя: — Этого не должно быть!»

Жесткие черты лица, циничная усмешка — Эми думала о нежном ребенке с красивыми, ясными глазами. «Иисус, это дитя принадлежит Тебе! Не допусти, чтобы дьявол прикоснулся к нему!» — в немом отчаянии внутренне кричала она.

Как во сне, Эми следила за судебным разбирательством. Когда секретарь наконец зачитал приговор, она его не поняла. Он говорил быстро и тихо. Но по торжествующему взгляду дяди можно было догадаться, что решение было не в пользу Муттамал. И все же она попросила, чтобы ей прочитали приговор еще раз.

Документ, состоящий из многих листов, зачитали снова. Эми чувствовала себя пленницей

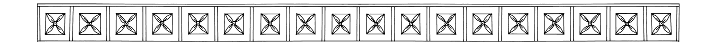
в логове дракона, из которого нет выхода. Секретарь время от времени бросал на нее мимолетные взгляды, чтобы увидеть ее реакцию на приговор.

Теперь она поняла, что Муттамал присуждена дяде, а все издержки за судебное разбирательство падали на нее.

В то время как судебный секретарь подчеркнуто медленно зачитывал заключение, наблюдая при этом за Эми, она говорила с Богом. Подняв глаза, Эми увидела через открытую дверь птичку — райскую мухоловку, которая сидела на ветке мангового дерева и задорно заглядывала в помещение. Потом она вспорхнула и улетела в темно-зеленую тень, и длинные белые перья ее хвоста победно мелькнули следом. Эми почувствовала, будто вокруг нее вырастает защитная оболочка.

На обратном пути она думала только о том, как сказать обо всем Муттамал. Она многое отдала бы, чтобы уберечь ребенка от разочарования! Эми боялась встречи с Муттамал, но что ей оставалось делать? Разве она не сделала все, что могла? Против закона она была бессильна.

Вдали уже показались окна Донавура. Сквозь просвет в облаках уходящее солнце еще раз послало свои лучи, свет которых отразился

на кирпичных строениях. На севере виднелись подернутые дымкой очертания гор. «Какой прекрасной могла бы быть эта земля», — думала Эми.

Когда она вошла в свой маленький дом, там царила тревога. Муттамал исчезла. Ее исчезновения никто не заметил. И чужих людей никто не видел. Весь день ее лихорадочно искали и в лесу, и на озере. Вся большая донавурская семья была в растерянности. Наступила ночь, а Муттамал все еще не вернулась. Эми была глубоко потрясена. Вместе с Арулай они преклонили колени, чтобы предать поиски Муттамал в руки Иисуса.

— Очи Господа обозревают всю землю, — сказала Арулай, — Он знает, где Муттамал.

И на следующее утро постель Муттамал была пуста. Эми чувствовала себя виновной. Как это дитя цеплялось за нее и надеялось на ее помощь! Тут прибежала Преена:

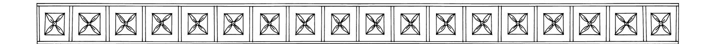
— Что с Муттамал, Эми?

Теперь Эми не могла больше сдерживать слез.

— Один Бог знает это, Преена.

— Это правда, что тебя теперь на семь лет посадят в тюрьму?

— На все воля Господа.

— Если ты пойдешь в тюрьму, я пойду с тобой. Без тебя здесь будет совсем плохо. И Арулай тоже сказала, что пойдет с тобой. И Поннамал тоже. И...

— А кто же тогда останется с детьми? — возразила Эми.

— Мы все вместе пойдем. О Эмма, это было бы чудесно!

Каждый день Эми ожидала прихода дяди или других родственников Муттамал. Но, как ни странно, никто не показывался. Может быть, кто-нибудь из них похитил девочку? Ведь подобное уже случалось.

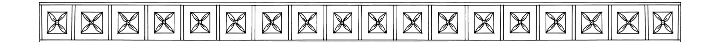
Через несколько дней почтальон принес телеграмму с Цейлона со словами: *«Очи Господа обозревают всю землю»*[1]. Было ли это связано с Муттамал? Эми позвала Арулай и показала ей телеграмму. Но та была в полном неведении.

На следующую ночь Эми приснился сон. Она увидела Муттамал рядом со своим сотрудником Арулом Дасоном. Между ними и Эми было море. Вот Муттамал протянула свои руки и ухватила ладонь Эми. Она улыбалась.

Проснувшись на следующее утро, Эми была преисполнена надежды.

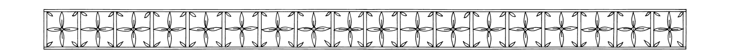
[1] 2 Пар. 16:9.

Проходили дни и недели, из недель складывались месяцы. Десятого октября Эми получила письмо, раскрывшее загадку.

Во время судебного процесса в Донавуре гостила молодая женщина, которая как раз собиралась уехать в Англию. Она оказалась свидетельницей трагедии ребенка и решила действовать самостоятельно, не посвятив никого в Донавуре в свои планы. Она знала, что в противном случае грозило донавурской семье. Она переодела Муттамал мусульманским мальчиком и тайно предупредила двух человек из другой миссии, чтобы они встретили Муттамал у городских ворот и сопроводили на Цейлон. Но так как девочка и на Цейлоне не была в безопасности, один английский миссионер перевез ее в Гонконг. Оттуда дальше — в Наннинг-Квангзи, где ее наконец приняла семья миссионера-врача.

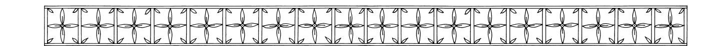

В Мадрасе

Последующие годы были насыщены борьбой и лишениями. Внезапно умер господин Валькер. Вскоре после этого отошла в вечность и мать Эми. А теперь на смертном одре лежала Поннамал. Неужели она лишится этой подруги, которая была ей так дорога?

Но жизнь продолжалась. Дети нуждались в матери — веселой и готовой выслушать все их маленькие проблемы. И в деревнях ждали люди. Ведь она приехала в Индию, чтобы рассказать людям о радости, не зависящей от жизненных обстоятельств, радости, имеющей свои корни в Боге.

Однажды миссионерская община в Мадрасе попросила Эми рассказать о своем служении. Эми хотела воспользоваться этой поездкой как возможностью показать город старшим детям. На воловьей повозке они предполагали добраться до соседней железнодорожной станции, а оттуда поездом ехать дальше.

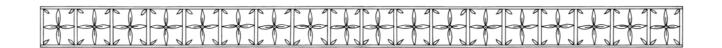

Среди детей царило большое оживление. Почти никто из них не видел железной дороги. Но к приятному ожиданию примешивался страх. А вдруг это все-таки демон управляет машиной?

Они благополучно прибыли в Мадрас. И чего тут только не было! Эми хорошо помнила день, когда в первый раз оказалась здесь. Тогда она была чужой в этой огромной стране. И все казалось сказочным. А сегодня она стоит здесь, окруженная своими детьми. И она гордилась этим.

Дети все время дергали ее. Какое скопище людей! Ей все время нужно было следить, чтобы никто не потерялся. А базар! Все эти спелые фрукты, разложенные на земле. И тут же керамика, одежда, шляпы, украшения, животные, крошечный храм из слоновой кости... Так много можно было увидеть, так много нужно было узнать!

— Эмма, смотри-ка! — Один ребенок потянул Эми к киоску. За ними двинулись и все остальные. В киоске торговец птицами выставил свой товар. В клетках щебетали и пели, бранились и пищали птицы разной величины и всех возможных цветов. Некоторые сидели нахохлившись, перепуганные и притихшие. Другие возбужденно прыгали из угла в угол. Дети были

в восторге, и в то же время им было жаль этих маленьких пленников. Ведь они сами некогда были в таком же положении. Только их клетка была каменной. Но пришел Некто и открыл дверь.

Прежде чем Эми сообразила, что она, собственно, делает, она купила несколько клеток с их прекрасным содержимым. Мысленно она задала себе запоздалый вопрос: не опрометчиво ли она поступила? Но любовь ко всему живому взяла верх над сомнениями. Эми просто не могла видеть птиц пленниками мира, который был чужд им.

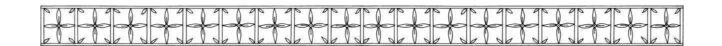
— Что мы теперь будем делать? — спросила она совета у детей.

Но их ничто не смущало. Они наперебой заговорили:

— Мы возьмем их с собой и построим им большую светлую палатку со множеством окон, — предложила Преена. — А когда мы заметим, что им грустно, мы их просто выпустим.

На этом экскурсия по городу закончилась, так как передвигаться с большими клетками в городской сутолоке было нелегко. Теперь нужно как можно скорее добраться домой. Эми с досадой думала о переполненных поездах и автобусах.

Вдруг она вспомнила, для чего приехала в

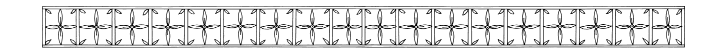

Мадрас. Она посмотрела на часы и ужаснулась, стрелки показывали без десяти шесть, а на шесть был назначен доклад.

Она подозвала несколько рикш. За несколько секунд дети расселись по повозкам, которые помчались узкими кривыми улочками, мимо торговцев и пестрых киосков, мимо пальм, важно взирающих на все с высоты, мимо полусонных коров. Когда они добрались до нужного здания, было пять минут седьмого. Эми поспешно пошла вперед, дети за ней.

И вот она в зале, запыхавшаяся, взмокшая от жары и немного смущенная. Но при виде людей в зале ее охватила парализующая усталость. Всюду скучающие, недовольные физиономии.

Она заметила нарастающее беспокойство. Некоторые недоуменно оглядывались, другие демонстративно покашливали. Похоже, это было не то место, куда можно прийти с детьми и птицами. Она быстро распорядилась, чтобы дети ждали ее во дворе. Потом наскоро провела рукой по волосам. Ведущий взглянул на часы: двенадцать минут седьмого. Эми неуверенной походкой прошла по широкому проходу на сцену, она чувствовала на себе критические или даже презрительные взгляды. К тому, что она

носила индийское сари, уже давно привыкли. Не это было причиной. Что-то другое беспокоило присутствующих, похоже, она не была желанной гостьей.

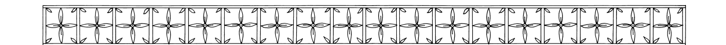
Шесть часов и четырнадцать минут. Ее мысли полетели домой к Поннамал. Сердце защемило при мысли о том, что, видимо, скоро они расстанутся навсегда.

Ведущий запел приветственную песню. Собрание тяжело поднялось. Эми пыталась понять, о чем желают услышать люди в зале. Она хотела рассказать им, что совершил Бог в ее жизни. Ей необходимо было сбросить завесу, окутывающую Индию мрачной тайной.

— Прошлой ночью мне снился сон, — начала она. Присутствующие начали беспокойно перешептываться. Сны! Разве они пришли сюда слушать о снах?

— Я была в таком же собрании, как это, — продолжала Эми, — и одного старого миссионера попросили помолиться. «О, Господь, — молился он, — мы снова пришли на собрание, и Ты знаешь, как трудны нам эти встречи. Помоги нам выдержать и этот час».

Сдержанный смех прокатился по рядам. Некоторые лица просветлели. И все уже со вниманием ожидали, что Эми скажет. Во время

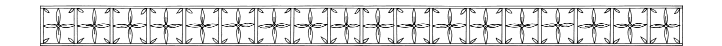

своей речи она ничего не видела вокруг себя.

— Недостаточно пересечь океан, чтобы стать миссионером. Иногда, читая о других, мы чувствуем себя обескураженными: нам невозможно явить такое совершенство. Но они боролись, шаг за шагом, через маленькие волевые решения, маленькие самоотречения, маленькие внутренние победы. Благодаря верности, проявленной в малых делах, совершались и великие. Никто не видит этих маленьких шагов.

Духовная зрелость — дело не одного мгновения. Наступит день, когда мы будем стоять перед выбором — сохранить или отвергнуть роскошь избранной нами духовной замкнутости. Мы не принадлежим больше самим себе. Наша сила в помощи другим зависит от того, готовы ли мы стать дорогой для других. Это сокрушение жизни, не претендующей больше ни на какие права. Подобна ли наша жизнь такому пути? Можем ли мы склониться, пропуская другого?

Наши искушения сегодня — уныние, малодушие, бессердечие, нетерпение, эгоизм. Искушения могут быть различными. Нам нужно мужество, ведущее к победе; любовь, никогда не теряющая надежды; терпение, которое дает силы с радостью переносить длительное страда-

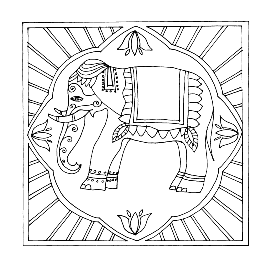

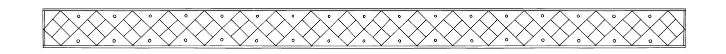
ние; дисциплина, говорящая «нет» собственному благополучию.

Не будем же останавливаться и оглядываться на прошлые разочарования и обиды, давайте созидать новую жизнь с Божьими мыслями, любовью, долготерпением и надеждой!

И она рассказала об унижениях детей, о безысходном страхе и рабстве, о безнадежности в их жизни. Не время ли вырвать у сильного добычу? Но для этого нужны мужчины и женщины, готовые пожертвовать собой.

— Какой прекрасной станет Индия, когда будет объята огнем Божьим! — воскликнула она. — Стоит любить этот народ и отдать за него свою жизнь, чтобы привести его к небесному Жениху!

Будни

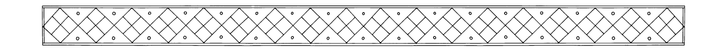
Поннамал не стало. И никто больше не заполнит эту пустоту. Но в то же время граница между небом и землей представлялась еще прозрачнее. Поннамал раньше ушла на небеса и теперь ожидает их. Разве можно было много печалиться?

Как только Эми вошла в сад, к ней со всех сторон кинулись дети:

— Эмма, а правда, что есть люди, у которых синие глаза?

— Конечно. В той стране, откуда я приехала, много людей с синими глазами.

Перед ней живо встала картина из прошлого. Эми была тогда еще маленьким ребенком, наверное, лет четырех или пяти. Ее самое заветное желание было иметь синие глаза. И однажды вечером перед сном она попросила Бога дать ей синие глаза. Но, проснувшись на другое утро и посмотрев в зеркало, она увидела, что глаза остались карими.

— Я так рада, что у тебя карие глаза, Эмма, иначе ты не была бы одной из нас, — сказала малышка.

«Спасибо, Отец, — думала Эми, — теперь я знаю, почему Ты не исполнил мою детскую просьбу».

«Кроткие, как у лани,
Карие Эммы глаза,
Но иногда в них пламя
Сверкает, словно гроза.
Пылают они огнем,
Если она недовольна,
Тогда мы боимся ее,
Но это совсем не больно».

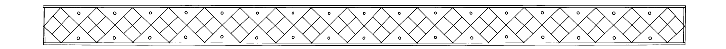
Напевая этот сочиненный тут же стишок, девочка, весело танцуя, исчезла за кустами в саду.

Песни слагались сами собой: во время прогулок по полям, при закате, во время путешествия на воловьей повозке, или когда они, лежа на поляне, прислушивались к птичьим голосам. Сколько причин было у них, чтобы благодарить Творца в песнях!

— Почему эта роза красная, а та желтая?

— Эмма, посмотри, что я нашла...

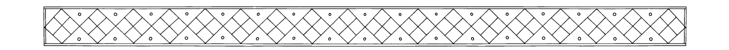
— Рухма сказала, что луна круглая. А я точно видела, что она не круглая.

Это был увлекательный метод обучения. Но Эми знала, что выросшим детям такого образования будет недостаточно. Правительство настаивало, чтобы Эми отправила их в одну из государственных школ, но Эми не хотела. Она просмотрела некоторые учебники и установила, что эти книги не помогут развитию того характера, который она очень хотела воспитать. Дети еще не были достаточно сильны, чтобы противостоять всякому чуждому влиянию. Им нужна была своя школа. И они вместе молились о подходящих учителях.

Но теперь ее тяготили и другие заботы. Отголоски мировой войны достигли отдаленнейших уголков Индии. Людские сердца наполнились страхом. Начался голод. Заботы, словно разбушевавшаяся стихия, захлестнули всех, не миновали они и Донавура. Постоянно преследовал вопрос: а что будет, если...

Когда Эми в первый раз ступила на этот клочок земли, там не было ничего, кроме унылого пустыря. А теперь все вокруг зеленело и цвело. Из-за деревьев выглядывали красивые домики. Это был свой маленький мир, оазис мира. Однако, чтобы его поддерживать, нужны были деньги. Жители же этого оазиса остались верными

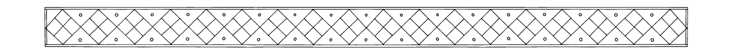

своему принципу: никого не просить о деньгах. И не рассылать письма с описанием своих нужд. Они хотели надеяться только на Бога. Он был их Отцом, а значит, Он лучше всех знал, в чем состоит их нужда. Но бывали времена, когда их доверие подвергалось тяжелому испытанию. Так было и теперь.

Мастеровые прекратили работу из-за недостатка денег. Английский фунт уже почти ничего не стоил. А того, что им присылали, было недостаточно не только на покупку строительных материалов, но и на повседневные нужды.

Сегодня Эми уже в третий раз зашла в кладовую. Там было пусто. В одном мешке она нашла немного риса, но его не хватило бы даже на обед! А сколько голодных желудков нужно наполнить! И еще множество гостей, своих и иностранных! Она была в ответе за всех. Что-то нужно было делать. Но она не могла совершить чудо, и ее охватила паника. Кажется, она слишком много взяла на себя.

Из сада доносились детские голоса. Они действовали, как уколы иглами. Все смотрели на нее с доверием. Эми лихорадочно размышляла о том, что она сделала неправильно. Возможно, она плохо вела хозяйство или в ее маленькой об-

щине что-то было не в порядке, поэтому Бог не отвечал на ее молитвы. Это могло быть бездушие или скрытый грех, который не был прощен. «Господи, испытай нас, но помоги нам!» — взывала она к Богу.

С тяжелым сердцем Эми наконец решилась действовать самостоятельно. С этого дня в комнате каждого гостя будет лежать карточка с просьбой о денежном пожертвовании на питание. В общем-то, ничего предосудительного не было в такой помощи, но Эми она казалась почти предательством.

Арулай последовала за Эми в гостевую комнату и подала ей пакет со специями для риса:

— Кто-то принес это к дверям.

— Специи — без риса, — с горечью сказала Эми.

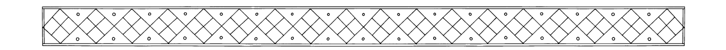
— Мне уже не терпится узнать, какое чудо Иисус сегодня совершит.

— Но у нас нет даже пяти хлебов и двух рыб — как тогда[1].

— Он все Тот же. Он из ничего сделал Вселенную. Может быть, сегодня корова даст в два раза больше молока, чем обычно.

---

[1] См. Мф. 14:15—21.

— Арулай, твоя вера крепче моей.

Эми было стыдно перед своей юной подругой. Потом она взяла со стола карточку и порвала, прежде чем посетитель смог ее увидеть.

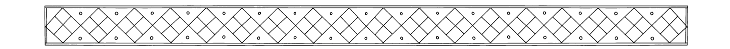
Чуть позже прибыл гость из Англии. Он пришел в восторг от красивых ухоженных клумб и маленьких выбеленных домиков. Все цвело и зеленело. Он с улыбкой наблюдал, как дети занимались своими делами, как малыши играли и смеялись — непринужденно и весело.

Эми шла рядом с ним и рассказывала о нуждах детей. Но о своих трудностях она не упоминала. Под высокой пальмой он остановился, вынул из кармана пачку банкнот и подал их Эми со словами: *«...Милосердие Его не истощилось. Оно обновляется каждое утро»*[1].

В тот вечер еду подали немного позже обычного. Дети сидели на полу, каждый перед своим банановым листом, и ждали. Наконец внесли дымящийся рис. Кульминацией явился пирог. Это был настоящий праздничный ужин — о таком давно уже забыли. Но никто и не подозревал, чего это стоило Эми. Когда день закончили совместной молитвой, Эми тихо прошептала: «Отец, прости...»

---

[1] Пл. Иер. 3:22,23.

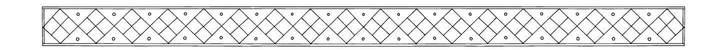

На следующее утро со стройки вновь доносились удары по камню и дереву. Скоро будет закончен молитвенный дом. Он должен стать центром всего комплекса. Мысленно Эми уже видела растения, вьющиеся по стенам и заглядывающие в окошки синие и пурпурные цветы. Другие дома сестры построили сами — сушили на солнце глиняные кирпичи и крыли соломой крыши. Но потом они обнаружили, что это слишком опасно — уже случалось, что мстительные приверженцы каст бросали на крыши горящие тряпки и сжигали дома.

С тех пор они строили каменные дома, хоть это было значительно дольше. Сначала нужно наколоть камни и обжечь кирпичи, повалить деревья, привезти бревна, сложить их для сушки, а затем распилить. Но совместный труд еще больше сплотил их семью.

В Донавуре не только работали. Здесь умели и радоваться. День прибытия каждого ребенка становился праздником, который всей семьей торжественно отмечали. И кроме этого было еще немало причин для празднования.

Вот и сегодня предстояло торжество. Из детских комнат доносились веселый смех и пение — это дети мыли полы и заполняли цветами боль-

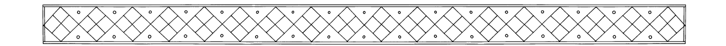

шие вазы. Под раскидистым деревом репетировала капелла с тамбурином и цимбалами, а самые маленькие стучали вязальными спицами по медным горшкам.

Сад был наполнен радостным звоном, но в душе Эми не чувствовала покоя. Ее мучили не заботы о завтрашнем дне. Угнетала мысль о маленьких мальчиках, которых продавали в храмы иногда даже за сто фунтов. Нелегко было узнать о девочках, которых собирались продать, но сведения о мальчиках берегли как большую тайну, а их самих охраняли, как сокровище.

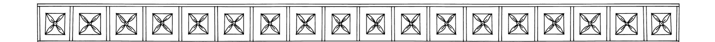
Да Эми и не могла возложить на своих сотрудников еще больший груз забот. Кроме того, мальчиков должны воспитывать мужчины. Но где они — эти мужчины, готовые помочь в таком деле?

Праздник кончился. Тут и там еще слышались приглушенные голоса. Арулай сопровождала Эми во время короткой прогулки. Они часто ходили вдвоем по этой дороге. Здесь им было знакомо каждое дерево. Вот толстый ствол, выросший из одного-единственного семечка. А теперь уже его ветки, свисающие к земле, пустили корни. Они срослись пучками.

Несмотря на то что основной ствол прогнил, дерево продолжало зеленеть. Толстые кожевидные листья образовали плотную крышу. Все это напоминало колонный зал. «Не образ ли это нашего сестринства? — думала Эми. — Семя не напрасно упало в землю. Теперь другие могут отдыхать в тени».

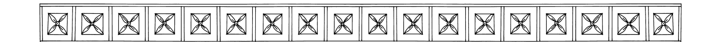
Новые задачи

Январь 1918 года. Однажды поздним вечером возле маленького бунгало в Донавуре остановилась повозка. Обычно посетители в такое время не приезжали. Арулай, Эми и Мабел почти одновременно подбежали к повозке, оттуда им протянули сверток. Мабел взяла сверток и осторожно понесла в дом, в то время как Эми и Арулай занимались молодой женщиной. Она была такой изможденной, что почти не могла говорить. Но они все же поняли, что ребенок находится в большой опасности.

— Мальчик! Это мальчик! — услышали они возглас Мабел из детской комнаты.

— Добро пожаловать в Донавур, — улыбнулась Эми.

Она знала, раз Бог послал ей этого ребенка, Он о нем позаботится. Донавуру предназначено стать родным домом и для мальчиков. Возможно, вырастет новое поколение, связывающее свою жизнь с Богом. Это надежда для всей страны: дети, вырванные из жестокого

культа идолопоклонства и перенесенные в мир любви!

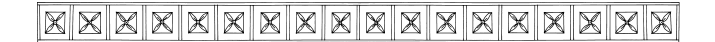
Все стихло. Дети спали. Сестры, еще раз обсудив произошедшие события, сидели и смотрели вдаль. Повсюду располагались маленькие деревеньки. На востоке, юге и севере были видны башни храмов. За невысоким холмом возвышалась исламская крепость. А по ту сторону гор — медицинский пункт.

Чтобы добраться из их деревни до больницы, требуется два дня. Для тяжелобольного это слишком далеко, а по жаре или во время дождей такой переезд вдвойне опасен.

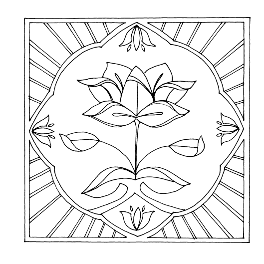
Часто они путешествовали от одной деревни к другой, чтобы поговорить с людьми. Но лишь для немногих они были желанными гостями. Остальные встречали их приветливо, только когда кто-то болел и нуждался в помощи.

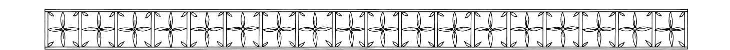
А что если самим создать такое место для лечения, с врачами и сестрами, через которых Бог сможет проявить к больным Свою любовь?

Больничный комплекс они назвали Букингемским дворцом. Появилось еще больше маленьких хижин с крошечными кухнями. Часто в таком помещении размещалась целая семья.

Так появлялись новые возможности для душеспасительных бесед. В них могли участвовать и дети. А когда вечером слышались детские песни, больным казалось, что они живут в каком-то другом мире.

Манохарам

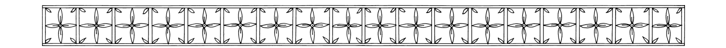
«Бегите, дети, бегите
Скорее отсюда прочь!
Ведь боги не плачут,
Сердца их чернее, чем ночь.

Летите быстрее серны,
Не верьте прелестным словам.
На сердце у идола скверна,
А на устах обман.

Бегите из мрака, дети,
Проданные за грош,
Истоптанные, отвергнутые
Отриньте от сердца ложь!»

Это было необычное пение. Дрожащие звуки внезапно обрывались и снова возникали, взвивались вверх и опять мгновенно гасли. Это был голос ребенка. Но выводил он слова старинной песни. Эми пошла на голос. Среди цветущих ананасов сидела девочка в синем сари, похожая на запуганную маленькую птичку.

— Манохарам!

Девочка вскочила, прислушалась, озираясь, и вдруг бросилась бежать.

— Манохарам, подожди!

Но девочка не слушала. Она бежала и бежала прочь. Эми слышала треск веток и учащенное дыхание.

Девочка попала к ним несколько дней назад. Никто не знал, что ей пришлось пережить, от чего так часто замутнялся ее рассудок.

Наконец Эми догнала ребенка. Они сели рядышком на землю. Ветки над ними густо сплелись, образуя защитную крышу. Пестрая птичка промелькнула в ветвях и зачирикала.

— Манохарам, ты здесь дома, никто тебя не выгонит. Тебя не будут бить, тебя любят. Ты станешь большой и счастливой, а когда вырастешь, ты сможешь помочь мне делать счастливыми других.

Манохарам покачала головой:

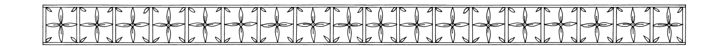
— Никто не может быть счастливым, пока существует зло, — грустно сказала она.

— Мы отгородимся от зла. Мы построим высокую стену, — горячо возразила ей Эми.

— И у храма высокие стены. Зло живет внутри.

— Да, милая, оно живет в сердцах людей. Стена, защищающая нас, не глиняная или каменная. Она — как огонь.

— Огонь не защищает, наоборот, он все пожирает. Почему мне все время нужно об этом думать? Это так больно.

Эми задумалась на минуту.

— Богу тоже было больно.

— Боги не плачут.

— Плакать не могут каменные идолы. Эти боги мертвые и холодные, даже если они из золота или серебра. Есть только Один, Который мог плакать. Потому что был Человеком.

— Человеком — как я? — удивилась Манохарам.

— Да, да, такой же, как ты и я.

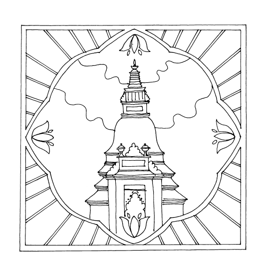
— Ты можешь Его нарисовать? — попросила девочка.

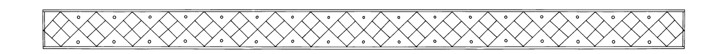
— Нет, я не могу, — улыбнулась Эми, — Он слишком велик.

— Откуда же я узнаю, как Он выглядит?

— Он запечатлеет Свой образ в твоем сердце. Тогда ты Его узнаешь.

Эми говорила, а маленькая головка приникла к ее плечу. Манохарам уснула. Эми осторожно взяла малышку на руки и отнесла в дом.

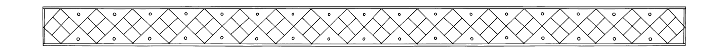

Дом в лесу

Манохарам необходимо время, много времени и любви, чтобы раны затянулись. И таких, как она, было много. Им всем нужны время и любовь. А еще были дети больные и умственно отсталые, которые нуждались в индивидуальном уходе. Тридцать детских домов, больница, школа, молитвенный дом — не достаточно ли этого, возможно ли еще расширить дело?

С наступлением жаркого сезона всегда возникали проблемы — некоторые дети совершенно не переносили жару. Раньше Эми уходила в горы и брала их с собой. Тогда она арендовала пустующий дом в лесу. Но теперь и он не мог вместить всех. И кроме того, это было слишком далеко.

Гуляя с детьми, Эми высматривала подходящее место для большого дома. Она любила лес, он таил так много удивительного. Однажды она наблюдала за мамашей-тигрицей, играющей со своими малышами.

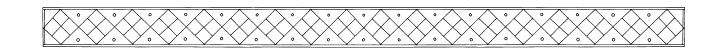

В лесу дети чувствовали себя свободными и забывали мрачные картины прошлого. С криками они взбирались вверх по горе, чтобы сразу скатиться вниз. Только длиннохвостые обезьяны, которые, пронзительно крича, прыгали с ветки на ветку, были проворнее их.

Эми и Арулай искали лужайку для привала. Наконец они подошли к месту, которое называли «серыми джунглями». По земле почти бесшумно проскользнула змея, подняла вертикально переднюю часть туловища и распустила капюшон: кобра. Но детей это не испугало.

— Змеи все глухие, — со знанием дела сказала Преена и ударила по земле палкой. Змея тотчас сжалась и уползла.

Дети расположились вокруг разложенной на циновке еды. Сверху над ними свешивались дикие апельсины. За спиной, как стражи, возвышались горы. Речка, отвесно спадающая вниз, неслась дальше по каменным скалам к озеру. Над его поверхностью торчала верхушка скалистой глыбы. Когда на нее попадало солнце, она светилась, как чистое золото. А вода была зеленой, словно нефрит. Камни на берегу были уже другого цвета — они сверкали красными, коричневыми и желтыми красками. И

пока дети так сидели, птицы устроили концерт, какого Эми еще не слышала.

Дети поели и умчались.

— Дом, настоящий дом! — закричал один ребенок.

Эми пошла к детям. Под высокими деревьями ютилась обветшалая хижина. Глубоко внизу, в долине, извивались, как серебряные нити, маленькие речушки, а на далеком горизонте виднелась синяя лента моря.

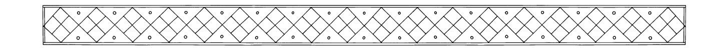
— Этот домик мог бы стать нашим, — сказала Эми.

Дети были в восторге. Одни обследовали хижину, другие начали подтаскивать дрова и камни. Они с удовольствием тут же вселились бы в нее.

Была ли это случайность, или, может быть, Бог привел их сюда, чтобы подарить им этот клочок земли? Но не слишком ли щедро Он их уже одарил?

Большое ущелье, переходящее в долину, было заброшенной кофейной плантацией, принадлежавшей одному мусульманину.

Эми созвала детей, они вместе опустились на колени и просили Бога дать им видимый знак своей воли.

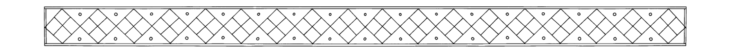
Когда они вечером вернулись домой, пришла почта. Но было уже поздно, и Эми вскрыла письма лишь на следующее утро. В одном из конвертов лежал чек больше чем на 100 фунтов с запиской: «Для дома в лесу». Эми не верила своим глазам. Их новая молитва была еще более горячей. И вдруг снова послание со 100 фунтами. Был ли это новый указующий знак? Потрясенная Эми долго не могла решиться, но наконец покупка состоялась.

Как только они стали обладателями этого участка земли, окружающие начали проявлять сильное недовольство их планом, так как местность считалась обиталищем одного из божеств, которого звали «демоном цепи». Последний хозяин хижины из страха перед этим демоном никогда не прикасался к алтарю. Так маленькая кадильница, сосуд с маслом и колокол остались нетронутыми.

Эми сняла изображение идола и сломала алтарь. Увидев это, рабочие пришли в ужас и не осмелились начать строительство. Тогда за дело взялись дети, подтаскивая глину и кирпичи.

— Буря! — закричал вдруг один из мужчин.

За считанные секунды над ними выросла стена темных туч, которые в бешеном темпе

неслись по небу. Последние лучи солнечного света мелькнули в разрывах облаков, которые через несколько мгновений превратились в сплошную черную массу. Горы приняли грозный вид. На озере поднялась зыбь. Деревья содрогнулись от ураганных порывов ветра.

Прибежала Преена. Она задыхалась от волнения:

— Эмма, я видела его. Большой, как дерево. С огненными глазами. И в руке у него... мне кажется, это было... выглядело, как сверкающий меч.

— Кого ты видела?

— Демона!

— Где?

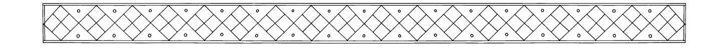
— Там... — Преена показала в сторону, где лес казался наиболее темным.

— Пойдем, покажи мне его.

Девочка задрожала и чуть слышно пробормотала:

— Нет, Эмма, нет!

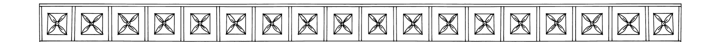
Эми еще раз взглянула в указанном направлении. Было ли это воображением, или она действительно что-то видит? Может, это ветер колышет ветки? Нет, ошибки не было. Кто-то махал, подзывая ее. Может быть, это ловушка? На

мгновение она заколебалась, подумав о детях. Что делать?

Когда она на несколько шагов приблизилась к лесу, из-за кустов вышел мужчина и опустил перед собой на землю оружие. Он был высокого роста, но не таким большим, как описала Преена. Его глаза дико озирались вокруг. Но он не был демоном. Скорее, производил впечатление затравленного животного.

Ямбулингам

— Я — Ямбулингам.

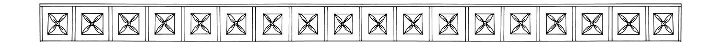
— Ямбулингам, главарь разбойников? — прошептала Эми. Она боялась, что ее кто-нибудь услышит.

— Да, я знаю, меня ищут. Но я уже несколько дней жду тебя. Мне нужно с тобой поговорить. Не спрашивай сейчас ни о чем. Скажи мне только одно: ты позаботишься о моих детях, если со мной что-нибудь случится?

— Я не понимаю, что ты хочешь от меня?

— Подойди поближе, меня не должны узнать.

Короткими, быстрыми фразами описал Ямбулингам, что произошло за последние дни. Полиция обвиняла его во многих разбойничьих нападениях, которых он не совершал, но его именем прикрывались другие. Его разбои были особого рода. Он по-своему пытался восстановить справедливость. Из-за этого вступил в конфликт с законом. Его имя везде произносилось шепотом. Богатые боялись его, а бедные восхваляли, как народного героя. Он не стре-

мился к обогащению. Всего несколько дней назад Эми слышала, что он подстерег одного возницу, чтобы отнять рис. Но так как возница сам был очень беден, Ямбулингам возместил ему полную стоимость груза.

— Я найду тебе адвоката, — предложила Эми.

Ямбулингам только устало улыбнулся:

— Мне все равно не поверят. Они вертят законом, как им захочется. Несправедливость подтверждают параграфом и скрепляют печатью. Что я могу против этого сделать?

— Но есть неподкупный Судья. Он Судья всех судей. Он оправдывает. Ты Его знаешь?

— Нет, не знаю.

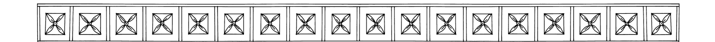
— Тогда я изложу Ему твое дело, прямо сейчас.

С этими словами Эми преклонила колени. Ямбулингам неуверенно осмотрелся кругом и смущенно последовал ее примеру.

Когда Эми поднялась, Ямбулингам уже исчез.

Начался дождь. Эми возвратилась к детям, которые все еще были заняты обустройством маленькой хижины.

Через несколько дней Эми узнала, что мнимые друзья заманили бедного разбойника в ловушку. Теперь он, тяжело раненный, лежал в больнице. Как только его здоровье улучшится, он окажется в тюрьме закованным в цепи.

Его жена не перенесла свалившегося на нее горя. Так дети Ямбулингама попали в Донавур.

Однажды ночью Эми приснилось, что двери тюрьмы сами открылись перед ней. Она нашла Ямбулингама и спросила его: «Ты хочешь принять крещение?» Он ответил: «Да». Вскоре они встретились наяву.

Эми вывела из конюшни пони. Дети надели на него пестрый цветочный венок. Даже в длинный хвост вплели цветочки.

Эми нежно гладила косматую гриву:

— Сейчас ты повезешь детей. Поэтому будь особенно смирным, ты слышишь?

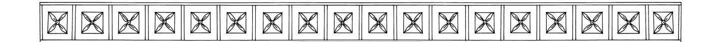
Пони, будто поняв, потерся головой о ее плечо. Потом поднял верхнюю губу, как бы отвечая улыбкой.

— Да, да, мы оба постарели. Ты тоже это чувствуешь? Помнишь, как мы носились по полям? Теперь это получается уже не так резво.

Пони вытянул шею, чтобы сорвать сочный пучок растений.

— Только не цветы, они для детей! Так. Подожди здесь. Я пойду посмотрю, куда они подевались.

Прибежали дети Ямбулингама. С первого дня они чувствовали себя в Донавуре как дома.

Иногда они спрашивали об отце или вспоминали мать. Вот и сейчас:

— Почему мой папа так долго не приходит?

— Но ты же знаешь, что его забрала полиция, — поучал старший брат свою сестру.

— Когда я вырасту, я убью всю полицию.

— Этого нельзя делать, — увещевал теперь другой ребенок, — папа сказал, что жизнь нам не принадлежит.

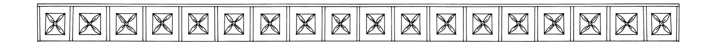
— Но ведь и папа не принадлежит полиции, он — наш.

После обеда появился государственный чиновник из Мадраса, пожелавший говорить с Эми. Тут Эми узнала, что Ямбулингам сбежал из тюрьмы.

— Это дьявол. Он был закован в цепи. Никакому смертному не удалось бы освободиться. Мы знаем, что вы имеете с ним связь. Поэтому хотим предупредить вас, что по закону вы обязаны незамедлительно сообщить о месте его пребывания, как только он объявится. Я надеюсь, вы меня поняли.

— Я поняла, — сказала Эми холодно. И потом добавила:

— А знаете ли вы, что преследуете невиновного?

— Это определяет закон, а не вы. А перед законом он виновен. Вчера снова поступило известие о разбое.

— А кто вам сказал, что это сделал Ямбулингам?

— Он оставил свое имя.

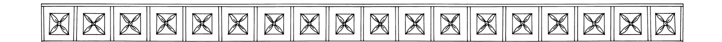
— Но он не может быть одновременно на востоке страны и на западе. Его именем пользуются другие. Он сидел в тюрьме, когда бандиты под его именем совершили преступление, на которое он не способен. Я знаю его.

— Я здесь не для того, чтобы спорить с вами, а чтобы передать вам приказ.

С тех пор как Эми узнала о побеге Ямбулингама, она его ждала. Она не сомневалась, что он даст о себе знать из-за детей. Каждую ночь она ставила на окно светильник, чтобы показать, что ждет. Но Ямбулингам не приходил.

Было 11 июня. Эми поехала в Каруниапурам, услышав, что «презренный» находится где-то неподалеку. Она не хотела больше оставаться в неопределенности и решила попытаться встретиться с ним. Надев самое темное сари, Эми в сумерках вышла из деревни.

Ночь стояла безлунная, и ни одной звезды не было видно. У Эми отлегло от сердца. Она знала — если Ямбулингам где-то поблизости, то он уже давно заметил ее.

Вот деревня осталась позади. Вскрикнула птица. «Наверное, ей что-то приснилось», — подумала Эми. Впереди в глубокой тьме простирались джунгли. В нерешительности она остановилась. У нее не было даже палки для защиты от диких зверей. Откуда-то донесся рык хищника. Эми напряженно вслушалась в тишину. Вдруг ночь словно наполнилась звуками, джунгли проснулись. Где-то шел смертельный бой. Может быть, лучше вернуться? Эми уже хотела повернуть, когда ясно почувствовала, что за ней наблюдают. Казалось, кто-то стоит рядом, но она не слышала никаких шагов, даже ветка не хрустнула. И все же поблизости кто-то был. На мгновение Эми словно окаменела и тут услышала знакомый голос Ямбулингама:

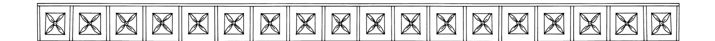
— Не бойся, это я. Как там дети?

— Им хорошо. Они не знают, что я здесь. Но у меня кое-что есть, — с этими словами она вынула из-под сари маленький пакет. — Тебе понравится. Дети это сами испекли.

Он взял ее руки, погладил и сказал:

— Спасибо, Эмма. Заботься о них хорошенько. Ты знаешь, они единственное, что у меня осталось. Обещай мне.

— Тогда и ты обещай, что никогда не направишь оружия на человека.

Ямбулингам на мгновение задумался, потом твердо сказал:

— Я обещаю.

Через некоторое время он добавил:

— Ты как-то сказала, что Бог — справедливый судья. Он поможет мне?

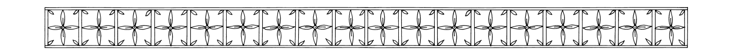
— Если мы всецело доверимся Богу, Он возьмет наше дело в Свои руки. Но никогда не пытайся предписывать Ему, как Он должен поступить. Его мудрость выше нашей.

Они разговаривали шепотом. Потом преклонили колени и помолились.

Ямбулингам проводил Эми до деревни, а сам ушел в ночь...

Через несколько дней Эми узнала, что Ямбулингама больше нет в живых. Друзья пригласили его на пиршество, а он не догадывался, что среди них был предатель. Так он умер.

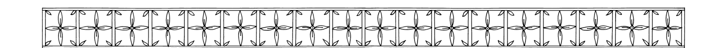
Эпилог

Прошли годы. Эми сидела в своей комнате. Она любила это тихое место. Большое окно, в котором видно небо и дали, синие занавески, деревянная обшивка стен. А рядом высокие стеллажи со множеством книг. Она часто читала их своим «дочерям», особенно жизнеописания, и сама много почерпнула из этих книг. Ее взгляд упал на большое дерево за окном. Эми подумала: «Как много времени нужно было ему, чтобы вырасти. Зато теперь оно может зеленеть тысячу лет».

На улице играли дети. А с ними продолжались заботы, строились новые планы, приходили новые сотрудники. Разве это не чудесно? Несколько синих зимородков охотились за гольянами, плававшими в маленьких водоемах. И это тоже было частью жизни. Везде борьба. Победы и поражения, жизнь и прощание, радость и горе.

«Как хорошо, что есть Тот, Кто всем управляет», — думала она.

Они много пережили: Арулай, Преена, Манохарам и все остальные. Эми молилась, чтобы Бог залечил все глубокие раны, все оскорбле-

ния, чтобы большие и маленькие в Донавуре были благословением друг для друга; чтобы они стали носителями, ростками жизни для других. Ведь они выросли одной семьей и привыкли подавать другому руку.

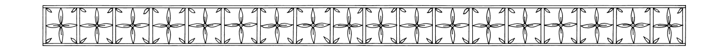
Эми взяла бумагу и написала:

«Мои дочери!

Не заботьтесь о том, что другие о вас скажут или подумают. Пусть вас больше занимает то, что совершает Бог. Размышляйте о Его победах, а еще больше о Самом Победителе. Верьте, что вашей жизнью управляет любовь. Бог избрал Донавур местом любви, уподобив его полноводному озеру, воды которого утоляют жажду каждого.

Иногда мне кажется, что мы готовы взять свой крест только на словах, но когда доходит до дела, мы или не замечаем его или пытаемся уклониться. Я имею в виду не болезнь или потерю близких, но добровольное страдание ради Иисуса Христа и самоотречение.

Я еще многое хотела бы вам написать. Самое главное — ваша мать любит вас и всегда будет любить. Но смотрите дальше. Смотрите на Того, Кто подарил вам Свою любовь, которая никогда не умирает. Учитесь обращаться прямо к Нему — и вы получите все, в чем нуждаетесь. Он никогда не оставит вас. Я хочу вас призвать: "*Возлюбленные! будем любить...*"[1]

Я молюсь о каждой из вас».

— Эмма! — Арулай влетела в комнату. — Угадай, кого я привела!

Арулай была так взволнована, что почти не могла говорить.

Но прежде чем Эми смогла угадать, ей на шею бросилась красивая молодая индианка и заплакала.

— Муттамал? — ахнула Эми.

— Да, это я, твоя потерянная дочь.

— Я думала, ты в Китае!

— Я была там. Но теперь я достаточно взрослая, и мне не нужно больше прятаться.

Позади были годы, полные приключений. Муттамал было что рассказать: побег в одежде мусульманского мальчика, жизнь на Цейлоне, переезд в Китай...

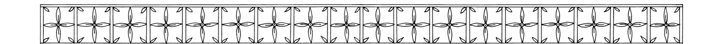
Давно стемнело. На улице звонил маленький колокол, призывая к вечерней молитве. А Муттамал все еще рассказывала.

— Какие у тебя планы? — спросила Эми девушку.

— Я останусь у вас. Вместе с Арул Дазан. Я знаю, что такое страх и печаль. Поэтому я хочу помочь всем, кто боится и грустит. Я часто думала о твоих словах, Эмма: любить, чтобы жить; жить, чтобы любить.

---

[1] 1 Ин. 4:7.

— Да, Муттамал, это наше назначение. Лишь тогда мы счастливы, когда живем не для себя, а для других. Пойдем. Нас уже ждут.

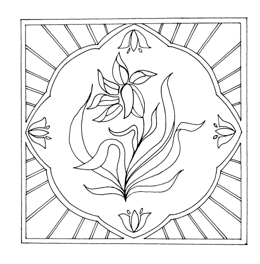
* * *

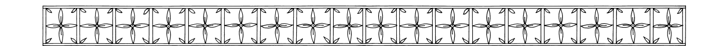
В результате несчастного случая — неудачного падения 24 октября 1931 года — Эми последующие 20 лет была почти полностью прикована к постели. Несмотря на сильные боли, она оставалась матерью, для которой дети всегда были желанными и которая во всех делах поддерживала своих дочерей.

Ее письма, написанные своему сестринству, стали нашим духовным наследием.

Ее тридцать пять книг переведены на 15 языков. И ее труд был удостоен медали Императора-и-Хинд.

Эми пережила Арулай на 12 лет.

ХРОНОЛОГИЯ

16 декабря **1867** — рождение Эми Кармайкл.

1885 — смерть отца.

9 ноября **1895** — прибытие в Индию.

16 марта **1899** — встреча с Арулай.

6 марта **1901** — в Донавуре появляется первый ребенок, спасенный из храма.

1913 — смерть матери.

26 августа **1915** — смерть Поннамал.

18 марта **1916** — основание сестринства.

1924 — создано 30 детских домов; в миссионерском служении участвуют индийцы; иностранцев — только 20 человек, главным образом врачи и медсестры.

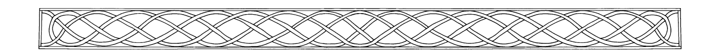
1925 — выход из Ценана-миссии. Освящение Дома молитвы.

1926 — Основание донавурской общины. В Донавуре воспитываются 80 мальчиков.

24 мая **1939** — смерть Арулай.

15 августа **1947** — провозглашение независимости Индии.

18 января **1951** — смерть Эми Кармайкл.

ОГЛАВЛЕНИЕ

